

Суд над Иисусом: взгляд Хаима Коэна

Расширенная версия лекции

Михаил Хейфец

Центральный персонаж нашей лекции, Хаим Коэн, - в каком-то смысле некий тип деятеля, в рамках израильского общества противоположный профессору Давиду Флюссеру, о котором мы говорили в прошлый раз. Правда, он на шесть лет старше – родился в 1911 г. в Любеке (Германия), изучал филологию и семитские языки в Мюнхенском университете. В 1930 г. приехал в Израиль и учился в «Мерказ ха-рав» - знаменитом питомнике раввинов национально-религиозного направления, сочетающем иудаистскую ортодоксию с сионизмом в практической политике. Через два года Коэн вернулся в Германию, изучал там юриспруденцию – и в 1933 г. защитил диссертацию по праву. Вернулся в Израиль и занялся частной адвокатской практикой.

Незадолго до провозглашения Израйля он стал юрисконсультом Сохнута, агентства, фактически исполнявшего тогда обязанности «правительства Еврейского государства в пути». С 1948 г. – государственный прокурор (в Израиле должность, соответствующая, скажем, российскому первому заместителю генпрокурора). С 1950 г. – юридический советник правительства (а это - полноценный генпрокурор, к тому же с расширенными полномочиями). В 1952-53 гг. – министр юстиции. Потом опять юридический советник правительства, затем член Верховного суда, заместитель председателя Верховного суда Израйля. В 60-е гг. член комиссии ООН по правам человека, потом член Международного суда в Гааге и член президиума Международного института по правам человека в Страсбурге. На всех занимаемых постах – страстный защитник либеральных ценностей и приоритетов. Плюс известный юрист-теоретик и университетский лектор по международному праву и истории юриспруденции.

Почему практик юстиции Коэн заинтересовался историей, связанной с давним процессом Йешуа из Нацерета?

По его собственному рассказу, все началось с того, что после создания государства Израиль блестящего и относительно молодого юриста пригласил к себе на аудиенцию Моше Змора, самый авторитетный человек в тогдашней национальной юриспруденции - председатель Верховного суда Израйля.

- Ко мне поступают ходатайства от организаций «Христиане – друзья Израйля», - сказал Коэну его босс...

Тут надо объяснить, кто такие – «Христиане – друзья Израйля». Существуют во всем мире многочисленные секты христиан-фундаменталистов, считающих, что второе пришествие Христа может свершиться лишь в тех исторических условиях, что аналогичны существовавшим к моменту его первого пришествия. То есть евреи должны собраться вновь – все - на Святой земле, и только тогда исполнится обетование: Йешуа явится к нам в силе и славе, чтобы убедить мир в своей миссии, отделить овец от козлищ и - преобразить жизнь по слову пророка Исаяи (Йешаяху). Поэтому организации «Христиан-друзей Израйля» по мере сил помогают сионистам в разных уголках земли (в том числе деньгами), а также и в самой стране. В интересах, как они полагают, христианства.

-...Они просят, чтобы Верховный суд Израйля реабилитировал их рабби из Нацерета, - продолжал Змора. - Присылают мне материалы, - кивнул на приготовленные для гостя толстые папки. - Прими-ка дело о реабилитации Йешуа из Нацерета к рассмотрению.

И Хаим Коэн занялся поручением Моше Змора. Оно отняло у него примерно 20 лет жизни (ведь, по подсчетам самого автора, только за последние

сто лет вышло в свет около шестидесяти тысяч книг, посвященных жизни и смерти Йешуа). Весь этот материал ему предстояло рассортировать и изучить, прежде чем формулировать какие-то выводы.

Неподъемную работу, однако, сильно облегчил странный факт: лишь немногие из этих книг затрагивали тему суда над Иисусом. «Книги, написанные юристами, почти отсутствуют, - констатировал Коэн в конце своей работы. - Это удивительно: в истории человечества не было судебного процесса, имевшего такие значительные последствия, как этот. И все же ни один процесс не содержал столь далеко ведущих признаков судебной ошибки, не было судебного процесса, отзвуки которого не потеряли бы своей силы даже по истечении двух тысячелетий. И ни один процесс не был освещен так неудовлетворительно и неполно».

Через 20 лет результаты израильского «исследования о реабилитации Иисуса Христа» были опубликованы в книге «Мишпато шель Йешу ха-Ноцри» («Суд над Иисусом из Назарета»). На русском языке монография была издана еще через 29 лет под другим заглавием «Иисус: суд и распятие».

Вкратце выводы Коэна можно формулировать так:

реабилитации обвиняемый Йешуа из Нацерета по закону не подлежит.

По еврейскому праву, как считает Х-Г. Коэн, Йешуа не был осужден, а потому реабилитирован быть не может. По римскому же праву – несомненно совершил то правонарушение, в котором его обвинил Пилат («оскорбление Величества») и наказан был судьей в соответствии с действующим имперским законом. Это было жестокое, несправедливое, но юридически, увы, неотменяемое наказание.

Теперь, когда я сознательно лишил сюжет таинственности и процесса разгадки, настала пора поговорить об интересном и по-своему очень типичном тексте Х. Коэна спокойно и объективно.

В отличие от Д. Флюссера, Х. Коэн – известный в Израиле «борец с религиозным засильем», паладин либеральных ценностей. Соответственно он много меньше профессора и доверяет религиозным источникам (и к евангелистам, и талмудистам), зато весьма внимателен к аргументации и выкладкам западных «библеистов». Он сам по подходу к материалу, по расчету вариантов, по методологии – типичный европейский «библеист». Тем не менее, оказывается, и такой (на мой вкус, нелюбимый) подход может оказаться очень плодотворным, во всяком случае, интересным – если за ним, как в случае Коэна, выявляется подлинный профессионализм автора.

Х. Коэн – действительно, великолепный юрист. С источниками 1-го века н. э., т. е. с Евангелиями, он обращается, как всякий опытный адвокат со свидетелями обвинения на суде. Не доверяет показаниям слепо, как сделал бы верующий христианин, не оценивает их даже и с позиции «презумпции правдивости», как поступил бы, скажем, религиозный исследователь Флюссер. Нет, наш адвокат подвергает евангелистов перекрестному допросу, заранее настроенный на то, что любое показание свидетеля обвинения содержит путаницу, неточности, присущие обычному человеческому взору. И здесь-то он и сможет выстроить свою конструкцию происшедшего и представить ее достопочтенному суду (т. е. нам с вами – его читателям).

Евангелия, действительно, содержат массу противоречий: даже первые три, названные «синоптическими», т. е. содержащими сходные материалы по одному и тому же вопросу, нередко противоречат друг другу в важных деталях. Что уж говорить об их конфликтах с четвертым, от Иоанна, неслучайно отделенным отцами церкви от «синопсиса» первых трех... Когда религиозные авторы, включая Д. Флюссера, сталкиваются с подобными противоречиями - в деталях событий, в описании участия тех или иных действующих лиц в сюжете и пр., они как правило используют «принцип дополнительности». Т. е. предполагают не отвержение одного показания евангелиста в пользу другого, но, напротив, - что правы оба, что первый все правильно показал, а второй его в каких-то деталях и подробностях дополнил.

Типичный пример. В синоптических евангелиях говорится, что Йешуа был арестован «людьми первосвященника», т. е. храмовой стражей (ибо другой вооруженной силы в распоряжение первосвященника римляне не предоставляли).

Упоминается некий Малк, слуга первосвященника, которому апостол Петр отрубил ухо. Иоанн же, со своей стороны, добавляет что отряд был не только от «первосвященника», но и «от фарисеев» (у первых трех евангелистов об участии фарисеев слова не сказано), о чем первые три евангелиста либо умалчивают, либо этот факт был им неизвестен. Зато, по Иоанну, с людьми Храма пришла в Гефсиманию римская когорта во главе с трибуном. Кто же арестовывал на самом деле Йешуа? Только евреи или римляне вместе с ними?

Вопрос, по Х. Коэну, отнюдь не второстепенный, и «принцип дополнительности» его важность лишь затемняет. Если на Масличную гору пришли люди только от первосвященника, значит, проповедник был арестован по приказу начальников Храма. Если же с ними пришли римские воины, ситуация принципиально меняется. Первосвященник не был для римского трибуна тем лицом, которое могло ему отдать приказ произвести арест нежелательного лица или просто попросить о содействии в аресте виновного перед римским судом еврея. Первосвященник как еврей, как символ еврейства, был глубоко отвратительным восточным туземцем для трибуна! И сам первосвященник неизбежно испытывал к «римской свинье» презрение. Если на месте ареста действительно находился трибун с когортой, то приказ об аресте обвиняемого мог отдать только прямой начальник трибуна – скорее всего, прокуратор Понтий Пилат. Но это значит, что Пилат заранее решил, что будет судить Йешуа. Тем паче, что суд был назначен на утро: Пилат должен был заранее познакомиться с «делом», принять какое-то предварительное решение. Иначе в судах не бывает...

И возникает новая проблема: если Йешуа с самого начала должен был быть судимым Пилатом, почему на Масличную гору пришли люди первосвященника? Что, римский прокуратор не мог арестовать обвиняемого в Иерусалиме без содействия презираемых им евреев?..

Вот такая проблема возникла, к примеру, только из одного-единственного противоречия между текстом синоптических Евангелий и Евангелием от Иоанна. Прежние авторы обычно механически присоединяли трибуна с когортой к стражникам Храма – и противоречие ими снималось. Коэн же реально показывает, насколько в принципе важно это несовпадение в текстах, как важно противоречие обнаружить и подвергнуть анализу на суде потомков.

Прежде, чем приступить к изложению гипотез Хаима Коэна, должен предупредить читателя о некоторой их специфике.

В принципе, если бы Хаим Герман Коэн работал как историк, он должен был бы уподобить себя судье – т. е. выслушать обе состязющиеся стороны, взвесить их аргументы и вынести обоснованный исторический вердикт.

Но ничего подобного в этой книге нет, и достоинство ее я вижу в том, что автор вовсе не скрывает отсутствия у него взвешенного подхода. Он открыто провозглашает, что является не судьей в историческом споре между сторонами, а адвокатом одной из сторон. Яростным адвокатом еврейства. Синедриона, книжников, фарисеев и - евреев вообще.

Это очень умный адвокат. А умный адвокат, защищая преступников, ни в коем случае не станет порочить жертву. И Хаим Коэн в предисловии заявляет: «Несмотря на крайне скептическое отношение к источникам, предания, найденные объективно вероятными, выявляют Иисуса (даже для людей, лишенных эмоциональных и религиозных побуждений) как фигуру вполне живую и достойную восхищения».

И еще: умный адвокат никогда не станет отрицать очевидные для судей (а в данном случае судьи – это мы с вами, читатели) общеизвестные пороки его подзащитных. Коэн сам цитировал народные сатиры, сохранившиеся в Талмуде, направленные против «семейств первосвященников, грабивших народ». Талмудический автор сокрушается о доносах и застенках, кулаках и дубинках, применявшихся приспешниками первосвященников против собственного народа. «Главной целью «Сатир» в талмудическом контексте было указание на причины, приведшие к разрушению Храма и окончательному повержению Иудеи: такое поведение священнослужителей могло воспалить небесный гнев, обрушившийся на Храм, «ибо они любили деньги и ненавидели друг друга», - пишет он.

И вот только теперь, когда адвокат предупредил судей, что он знает о масштабе личности жертвы, о ничтожности и порочности подзащитных, Коэн делает неожиданный ход: «Принимая во внимание презрение, которое народ

питал к назначенным римлянам первосвященникам, не следует делать фактических заключений лишь из отрицательного отношения народной сатиры». Т. е. и народ бывает необъективным, господа судьи, если речь идет о тех, кого он, так сказать, «по должности суверена», обязан не любить. И – «при отсутствии же обстоятельных данных, мне кажется, что даже первосвященники достойны применения к ним правила «презумпции невиновности».

Вот так. И попробуйте люди, воспитанные в нравах современного правосудия, что-то возразить!

А далее начинается перекрестный допрос свидетелей обвинения и, прежде всего, евангелистов. «Юристу дана привилегия – не принимать предложенный его рассмотрению факт безоговорочно, - излагает Коэн принципиальную позицию. - Он считает своим долгом вникнуть в показания, найти и выявить их источник и оценить их достоверность, прежде чем признать данный факт доказанным. Ни репутация маститых историков и ученых глубокой древности, ни авторитет и священная неприкосновенность Писания не могут помешать ему исполнить свой долг: взвесить и оценить каждую деталь показания по достоинству... Взгляды и величайшего гения, и святейшего из людей подлежат беспристрастной критической оценке».

Теперь, когда я предупредил читателей о том, что книга Коэна – не приговор по делу, а лишь выступление одной из сторон, правда, важное, потому что в защиту этой стороны на суде истории никто и никогда со времен «Истории о Иешуа» не выступал (то есть примерно уже 1000-1500 лет! Да та защита была скептической и сомнительной...), можно приступить к рассмотрению аргументации адвокатуры.

* * *

Уже отмечались противоречия в описании евангелистами ареста Иешуа. Если Иешуа действительно был арестован римской когортой во главе с трибуном и вкупе с отрядом храмовой стражи, то, по версии Коэна, это означало одно: с самого начала он считался римским арестантом. Никогда прокуратор, ненавидевший евреев вообще, Синедрион, в частности, не послал бы римское подразделение для ареста преступника, обвиняемого в еврейских религиозных преступлениях. До них ему дела никакого не было!

Почему Хаим Коэн склонен как еврейский адвокат верить в условиях данного противоречия показаниям Иоанна, а не Матфею, Марку и Луке, писавших лишь о евреях, арестовавших Иисуса?

Потому что Иоанн – наиболее антиеврейский автор в Четвероевангелии. В отличие от коллег, он обычно не называет врагов Иисуса «книжниками и фарисеями», но – обобщенно – «евреями» (или иудеями). По предположению Коэна, такой автор никогда не стал бы выдумывать участия римлян в аресте: не было ничего более простого, чем следовать уже известной версии, предложенной остальными евангелистами. Но, по Коэну, про римлян ему трудно было умолчать – ибо многие про их участие знали без Иоанна.

Римляне как правило не вмешивались в дела о еврейских религиозных преступлениях – их ничто в этих вопросах не касалось. Хотя бы потому, что весьма сильно разнились законы у евреев и Рима: например, по еврейскому закону смертной казнью каралось произнесение вслух подлинного, но тайного Имени Божьего (почему в «Истории о Иешуа» героя и смогли легко и быстро приговорить к смертной казни) или, скажем, прелюбодеяние (знаменитая легенда о блуднице: «Кто из вас без греха?»). Но по римскому-то закону ни то, ни другое вообще не считалось преступлением! Поэтому невозможно представить – по Коэну – что Пилат приказал доставить Иешуа ночью, более того, уже на утро прокуратор назначил суд, т. е. он был внутренне уже подготовлен к допросу и даже к решению – и все из-за каких-то еврейских религиозных распрей...

Тут возникает новый вопрос: почему же трибун, если уж он получил приказ об аресте еврея, вместо того, чтоб доставить арестованного во внутреннюю римскую тюрьму (такие тюрьмы в городе имелись), передал его у дома первосвященника еврейской страже?

Ответ, по Коэну, может быть один: Синедрион сумел как-то уговорить римлян – отдать им Иисуса на эту одну ночь. До утра, до суда. Зачем?

По моему, М. Хейфеца, жизненному опыту, ответ может быть таким: сам Пилат был почему-то заинтересован, чтобы ночь, предшествующую суду, подсудимый подвергся предварительной обработке у самых авторитетных, «своих», евреев, входивших в состав Верховного суда и в то же время постоянно поддерживавшими контакты с римской оккупационной властью.

Далее «адвокат евреев» проверил версию ночного заседания великого Синаедриона. И находит в описаниях евангелистов огромные противоречия. Собранные Коэн все вместе, в куче, эти противоречия действительно производят сильное впечатление.

а) Великий Синаедрион «Семидесяти Одного» вообще не занимался по своему статуту уголовными делами: он считался законодательным органом, своего рода еврейской палатой лордов. Если же это был не Великий, а Малый Синаедрион «Двадцати трех», то он, действительно, имел право разбирать уголовные дела, но:

б) ему запрещалось проводить судебные заседания вне особого зала (Тесаного Камня), расположенного в помещении самого Храма. Между тем, по свидетельству Евангелий, суд проходил в частном жилье - в доме первосвященника.

в) Разбирательство уголовных дел запрещалось суду вести ночью: его следовало начинать и закончить до захода солнца.

г) Разбирательство уголовных дел по закону никогда не производилось ни в праздник, ни в канун праздника.

д) Подсудимый не мог быть осужден по собственному показанию, либо по признанию им совершения преступления.

е) По преступлениям, караемым смертью подсудимый мог быть осужден лишь по показаниям двух «законно квалифицированных», как выразился Х. Коэн, свидетелей.

ж) Более того: человек не мог быть признан виновным в караемом смертью преступлении, если два законно квалифицированных свидетеля не предупредили его заранее, до совершения преступления, о преступности его поступка и о мере наказания за него. «Незнание закона было хорошей защитой обвиняемому и верно служило ему до того, пока обратное правило не было твердо установлено», - замечает Коэн.

з) Караемое смертью богохульство заключалось *только* в произнесении вслух Священного Имени Бога. Эти Имя могло произноситься первосвященником и лишь один раз в году (в Йом ха-Кипурим, в Судный день) – и только в помещении Святого Святого Храма. Если Священное Имя преступником не было произнесено, то вменяемое ему обвинение в богохульстве не считалось действительным, что бы он помимо этого ни сказал.

Весь суд над Йешуа так, как он описан в Евангелиях, был несомненно противозаконным. Иисус был незаконно арестован, незаконно допрошен, суд проходил в незаконные сроки, и законное обвинение, поддержанное двумя свидетелями, никогда не было сформулировано. Обвиняемый был принужден незаконно свидетельствовать против себя и потому незаконно приговорен к смертной казни. То есть произошло типичное судебное убийство (случай, в принципе нередкий).

Конечно, если это была судебная комедия, исход которой был заранее предрешен, то зачем судьям Синаедриона было бы утруждать себя соблюдением процедурных тонкостей? Однако против этой гипотезы «адвокат евреев» нашел веский и фактически неопровержимый аргумент.

Как известно из Евангелий, судебное заседание началось со вполне законной процедуры - с предъявления Иисусу обвинения в намерении «разрушить Храм». Но далее...

«Первосвященники и весь синаедрион искали свидетельства на Иисуса, чтобы предать его смерти; и не находили. Ибо многие лжесвидетельствовали на Него; но свидетельства не были достаточными» (Мк. 14, 55-56). «Первосвященники и старейшины и весь Синаедрион искали лжесвидетельства против Иисуса, чтобы предать его смерти; и не находили; и хотя много лжесвидетелей приходило, не нашли. Но, наконец, пришли два лжесвидетеля и сказали: «Он говорил: могу разрушить Храм Божий в три дня и создать его. И, встав, первосвященник сказал Ему: «Что же ты ничего не отвечаешь? Что они против тебя свидетельствуют?» Иисус молчал...» (Мф. 26, 59-63).

Но если суд был заранее predetermined судилищем, судебной комедией, зачем судьи, пренебрегшие важнейшими процедурными нормами, уперлись и забраковали явившихся добровольцев-свидетелей?! Более того, когда, наконец, были получены как бы уже подходящие свидетельства (хотя, как мы знаем из Евангелий, неправильные: на самом деле Иисус не сам обещал разрушить Храм, а предложил это сделать оппонентам, сам же обещал только восстановить его за три дня – но это, возможно, была добросовестная ошибка свидетелей), тогда главный организатор судебной комедии вместо провозглашения приговора по показаниям этих свидетелей обращается к обвиняемому с совершенно невероятной по еврейскому праву просьбой – опровергнуть свидетелей, т. е. дать собственную трактовку их обвиняющим показаниям. Ничего подобного делать в еврейском праве не разрешалось.

Противоречия событий этой ночи с еврейским Законом настолько велики, что для их преодоления пришлось конструировать некие гипотезы. Поскольку известно, что фарисеи как раз гордились особой педантичностью в исполнении законов и немислично, чтоб они пошли на столь грубое нарушение азов своего же уголовно-процессуального кодекса, возникло предположение: мол, Иисуса судила «саддукианская» фракция Синедриона – по нормам «саддукианского» правосудия. Правосудия, позднее позабытого, вышедшего из употребления, но тогда действовавшего... (Из раввинистической литературы известно, что такие, «саддукианские суды», действительно, существовали в то время в Эрец-Исраэль.) Как известно, саддукеи («сддуким») не признавали Талмуд (Устную Тору), но лишь нормы, установленные Библией, Торой Письменной. В письменном же тексте Библии ничего не сказано о праве заседать Синедриону исключительно в Храме, о запрете на ночные заседания суда и т. п. Значит, по нормам саддукеев (а они командовали в Храме) все описанное в Евангелиях было на практике возможным и, следовательно, свершившимся фактом.

Хаим Коэн рассмотрел и эту версию. И нашел в ней кардинальный порок.

Главным препятствием для приверженцев «теории саддукейского права» является четкое библейское предписание: преступление, караемое высшей мерой наказания, должно быть доказано двумя или тремя свидетелями (Второзак. 17, 6 и 19, 15). «Так как в суде над Иисусом все свидетели были дисквалифицированы или признаны не заслуживающими доверия, и он был осужден только по своему признанию, то, следовательно, письменный, т. е. саддукейский закон, тоже был нарушен». Кроме того, по библейскому, т. е. признаваемому саддукеями закону, имеется существенная разница между «злословием на Бога», что *не* каралось смертной казнью, и богохульством, под которым четко обозначалось лишь произнесение вслух Святого Имени (Левит, 24, 26). За последнее преступление и полагалось побиение камнями, Первое же каралось только бичеванием (публичной поркой). Т. е. даже с точки зрения саддукейского права, Йешуа смертной казни не подлежал. И смертный приговор был бы незаконным.

* * *

Хаим Коэн обратил внимание суда (нашего с вами, господа) на деталь, близкую и понятную ему как члену еврейской общины.

Согласно Евангелиям, суд Синедриона над Йешуа состоялся в ночь Пасхального Седера (так сообщают синоптические Евангелия или в ночь накануне Седера, как пишет Иоанн, что принципиально в ситуации ничего не может изменить). Каждому, кто знаком с ритуалом подготовки к еврейскому Седеру, знает, сколько времени и сил этот положенный «порядок» отнимает у верующего еврея (подготовка и очистка помещения от «хамеца», приготовление пасхальных блюд и стола и прочая, и прочая). Сам же обряд отправления седера занимает долгие часы и кончается как правило за полночь! Но для священнослужителей Храма эти заботы, наверное, удешевлялись... Им предстояла (или наоборот – только что прошла) огромная и самая ответственная в годовом цикле ритуальная храмовая служба... Чтобы собрать Синедрион, т. е. лиц, неимоверно именно в ту ночь занятых, нужен был сверхчрезвычайный повод. Иначе эти люди вежливо бы отклонили приглашение на ночное заседание, ответив гонцам, что вынесение приговора по данному делу следует отложить, как положено по закону и по обычаю – до окончания праздника.

Тем не менее, все пришли. Все сидели до утра, обсуждая дело Йешуа...

Что в этом деле было такого срочного и важного?!

Как умный адвокат, Хаим Коэн не скрывает возможных и даже преступных умыслов у собравшихся судей против арестанта. Саддукеи, возможно, ненавидели его не только за то, что признавал Устную Тору (в их глазах он, возможно, считался одним из фарисеев, каким позднее они видели представшего перед их судом апостола Павла). Но социальная его проповедь не могла не вызывать в них острую злобу (вспомните: «Легче верблюду пройти в игольное ушко...»; «пойди и все, что имеешь, раздай нищим»; «трудно богатому войти в Царствие Небесное» и пр.). Фарисеи же, входившие в состав Синедриона, во-1-х, не могли ему простить отсутствия формального «диплома», и.. ну, просто могла быть зависть людей обычных к человеку необыкновенному, сумевшему очаровать массы единственно силой личности – не было у него за спиной ни знатного рода, ни богатства, ни видного положения, ни признанной учености. «И весь народ с утра приходил к Нему в Храм слушать Его» (Лк 21, 38). Свыше было дано то, о чем каждый мечтал из них, но кто ж мог посягать на такое... Т. е. у тех и других могли иметься достаточные мотивы, чтобы - «искали первосвященники и книжники, чтобы взять его хитростью и убить; но говорили: «Только не в праздник, чтоб не произошло возмущения в народе» (Мк, 14, 1-2).

По сведениям евангелиста, это говорилось всего за два дня до праздника. То есть злодейское умышление к проведению суда и казни могло бы иметь место, но *в это время* они как раз не хотели преступления, о чем и говорит Марк - даже злодеи среди них (характерно, что в его перечне «умышляющих на убийство» отсутствуют на этот раз как бы неизбежные «фарисеи»). Не хотели суда в праздник вообще, и уж тем более в самую ночь Пасхального Седера! Чем мог обернуться для них смертный приговор, вынесенный вопреки элементарным нормам еврейского права – приговор ночной, вне Храма, без признанных законными свидетелей, с допросом обвиняемого, запрещенным еврейским кодексом... (Хаим Коэн утверждает, что если в римском праве судебное следствие начиналось с допроса обвиняемого, то в еврейском кодексе подобный допрос считался вообще невозможным: «Допрос обвиняемого неслыхан в еврейском уголовном кодексе», - замечает он, добавив, что нигде и никогда подобной процедуры в известных истории еврейских судах не знают.)

Коэн нашел еще две любопытные детали в евангельских рассказах о процессе, на которых, по-моему, никто до него внимания не обращал.

Первая. Задав вопрос Йешуа – «Ты ли Христос (т. е. Машиах), сын Благословенного» и получив ответ: «Я. И вы узрите Сына Человеческого, сидящего одесную Силы и грядущего на облаках небесных» (Мк 14,61-62) , «первосвященник разодрал одежды свои, сказал: «Вы слышали богохульство? Как вам кажется?» Внимание Коэна привлекла процедура разрывания одежды первосвященником. Как правило, обычные читатели Евангелий считали, что ритуальное разрывание одежды и означало вынесение смертного приговора. Но законник Коэн заметил: при вынесении смертного приговора разрывать одежду в знак скорби по смертнику полагалось по Закону *всем* членам суда, а не только его председателю. Если же остальные судьи не разорвали одежду (а насчет этого Евангелия молчат), значит, смертный приговор не был вынесен. Почему же разорвал одежду первосвященник? Процедура эта могла еще и означать, что жрец присутствует при богохульстве. Но тогда вопрос остается тот же: почему остальные в этом варианте не разорвали одежды?

Второе замечание Коэна связано с продолжением того же фрагмента: «Они же все признали его повинным смерти. И некоторые начали плевать на Него, и, закрывая ему лице, ударять его и говорить Ему: «Прореки» (Мк, 14, 64-65). Однако избивение осужденного смертника категорически запрещено еврейским уголовным правом. Да и зачем бить и без того уже осужденного на смерть человека?

Хаим Коэн как всякий блестящий адвокат предлагает вниманию суда, т. е. нас, читателей, удивительную конструкцию. Она позволила ему обойти все отмеченные многочисленными поколениями «библеистов» трудности плюс те юридические проблемы, которые он сам впервые самостоятельно сформулировал.

Версия его действительно необыкновенна.

Почему Синедрион, жаждавший гибели Йешуа, решил на арест, суд, казнь в самый неудобный для себя момент – в Пасхальный Седер. Именно тогда, когда возбужденный народ, два дня назад поклонявшийся рабби из Нацерета, все

еще гуляет на улицах, когда город заполнен еврейскими паломниками со всей средиземноморской ойкумены, и те разнесут по диаспоре рассказ о ночном судилище в Пасхальную ночь, о казни еврея, выданного единоверцами римлянам?

Более нежелательное поведение с позиции врагов и ненавистников Йешуа представить себе трудно. Они все понимали: повторяю, даже «злодеи», согласно Евангелиям, знали, что казнить его нельзя, «только не в праздник». Что произошло неожиданного за два дня, заставившее переменить прежнее решение?

...Здесь, в начале изложения гипотезы, хочется обратить внимание читателей на обстоятельство, не отмеченное самим Хаимом Коэном.

Поскольку Иерусалим считался столицей Иудеи, современный читатель естественно воспринимает присутствие в нем главы исполнительной власти, тем паче живущего в царском дворце, как некое само собой разумеющееся явление. Между тем, это вовсе не так! Постоянная резиденция римского прокуратора находилась не в Иерусалиме, а в другом городе – на берегу Средиземного моря, в Кейсари. Там постоянно в своем дворце, а не во дворце Ирода квартировал прокуратор, туда доставляли ему преступников (по римскому закону) на суд, там выносились приговоры и приводились они в исполнение. Это казалось настолько незыблемой нормой, что израильская исследовательница, историк Роза Ляст, опубликовала любопытную статью, в которой, руководствуясь элементарной логикой, доказывает, что Иисус был казнен вовсе не в Иерусалиме, а в Кейсари. Я не займу ваше внимание доказательствами гипотезы Розы Ляст, потому что реальная история, увы, логике не повинует: если все доступные документы говорят, что Йешуа распят был в Иерусалиме, а не в Кейсари, значит – он был казнен все же в Иерусалиме. Вопреки логике Розы Ляст! Но упоминаю о ее гипотезе по одной причине: она показывает, насколько сверхординарно или, как говорится, «не принято» было тогда присутствие и проведение суда Понтием Пилатом не в Кейсари, а в Иерусалиме...

Почему Понтий Пилат мог явиться в столицу Иудеи на Песах?

Может быть, был встревожен донесениями о появлении в столице еврейского деятеля, пользующегося неслыханной популярностью? Преступника, явно посягающего на права божественного Августа Тиберия?... Что, кстати, не исключает евангельскую версию, будто жалобы на этого проповедника шли из кругов, близких к первосвященнику и Синедриону. Это вполне возможно... Просто доносчики могли не предполагать столь молниеносной реакции прокуратора на подметные письма соплеменников рабби...

Как бы то ни было, сверхскоростная судебная процедура в Евангелиях, связанная с грубейшими нарушениями еврейского Закона, объяснима, по Коэну, одним-единственным образом: «Синедрион и первосвященник были бессильны диктовать расписание хода событий – оно было им навязано». Единственная инстанция, которая могла навязывать порядок Синедриону в ту пору, называлась римской властью. Пилат явился в столицу, он приказал немедленно, ночью, арестовать Йешуа и на утро готовился его судить.

Итак, возвращаемся к гипотезе, выдвинутой Хаимом Коэном для объяснения немыслимых юридических беззаконий, зафиксированных в Евангелиях, тех самых, что давали «библеистам» основание считать, что это все – мифология, ибо «этого не может быть, потому что не может быть никогда».

«Мы убеждены, - пишет Коэн, - что лишь одна причина могла побудить первосвященника созвать ночное заседание Синедриона у себя дома и заставить полный его состав явиться на этот беспрецедентный созыв: еврейское руководство было крайне заинтересовано предотвратить казнь римлянами еврея, столь популярного, как Иисус».

Повторяю, гипотеза Коэна действительно решает юридические трудности. По еврейскому Закону любые (даже самые строгие – субботние) запреты отменяются, если надо что-то сделать для «спасения жизни еврея» (так называемое правило «пикуах-нефеш»). Более того, нарушение запрета считается в этом случае не грехом, а праведным делом. Можно собраться для суда, можно работать в Пасхальную ночь, можно допрашивать любого человека, включая обвиняемого, – словом, все нарушения считаются дозволенными и даже положенными, если речь пойдет о «пикуах-нефеш». Под такой призыв первосвященник вполне мог призвать Синедрион, и тот послушно явился и участвовал в работе.

Единственное, но существенное возражение: а зачем это в принципе

Синедриону надо - спасать галилеянина?

Уж, конечно, не для «спасения жизни»... Политики, даже религиозные, - люди достаточно циничные.

Но, по Козну, у Синедриона имелся-таки необычайно веский повод искать спасения жизни Йешуа. Это повод был вовсе не религиозным, уж тем паче не гуманным, но – конкретно-политическим.

Вспомним события, предшествующие аресту.

Провинциальный выходец из галилейской глуши, т. е. заведомо неавторитетный для столичного истеблишмента законоучитель («Разве из Галилеи придет Мессия?» Иоанн, 7, 41-42) приходит в Иерусалим. Еще две тысячи лет не будет телеграфа, и полторы тысячи лет – газет и даже регулярной почты, связывающей провинцию с городом, отстоящей от нее на неделю пешего пути. И... «множество народа постилали свои одежды на дороге, а другие резали ветви с деревьев и постилали на дороге. Народ же, предшествовавший и сопровождавший, восклицал: «Осанна сыну Давидову! Благослове идущий во имя Господне!» (Мф, 21, 8-9). Энтузиазм народа столь велик, что фарисеи обратились к Йешуа с просьбой обуздать его последователей: «И некоторые фарисеи из народа сказали: «Учитель! Запрети ученикам Твоим» (Лк 19, 39). Политические силы в городе видели: «*весь мир идет за ним*» (Иоанн, 12, 19).

Козн выстраивает гипотезу. Во-первых, спасение от рук римлян столь популярного проповедника необыкновенно подняло бы в народе престиж и авторитет Синедриона. Как учреждение, сотрудничающее с римлянами, Верховный Суд находился в двусмысленном положении: с одной стороны, - огромный авторитет, наработанный поколениями предшественников в качестве высшего законодательного и судебного органа страны. С другой, политика сотрудничества с Римом постоянно позорила инстанцию. Все еврейство пользовалось плодами успешного сотрудничества глав Храма со сверхдержавой: благодаря услугам, оказанным первосвященником Цезарю в борьбе с Помпеем, а Августу в битвах с Антонием была сохранена культурно-религиозная и судебная автономия, и кое-где (в Галилее, к примеру) даже и политическая. Были дарованы немалые права Храму и евреям диаспоры...

И все же сторонники Рима считались глубоко презренными личностями. Евреи в принципе, т. е. религиозно, не воспринимали язычников как полноценных людей. Тацит писал: «Все, что для нас свято, для евреев богохульно». Святой Петр в «Деяниях апостолов» сказал некоему, весьма уважаемому им римлянину: «Вы знаете, что иудею возбранено сообщаться или сближаться с иноплеменником» (10:2). С религиозным отторжением сопрягалось и социальное: гнет Рима в провинциях был очень тяжел. Взять хотя бы налоговое бремя. «Налоги никогда и нигде не внушали населению любовь к властям, - пишет Х. Козн, - Налоги же, собираемые чужеземными поработителями и не дающие налогоплательщику никакого возмещения... могут побудить его к самым отчаянным поступкам. Не менее возмутительными были и способы поборов. Установленных норм не существовало, и никто не знал заранее, сколько и за что ему придется платить... Налогообложение было вполне произвольным и порой принимало размеры конфискаций. Сборщики налогов часто не отличали собственных карманов от казны и «взимали больше, чем было назначено» (Лк 3:13). Тех, у кого не оставалось средств платить, бросали в тюрьмы... Ни один уголовник не считался столь опасным, как официальные грабители, облеченные правительственными правами и неприкосновенностью. Как в Талмуде, так и в Новом Завете сборщики налогов называются «грешниками», с которыми уважающие себя евреи не сядут за один стол (Йешуа упрекали как раз за то, что он нарушал этот неофициальный, но нерушимый запрет и садился за стол с этими «грешниками», это по его собственному выражению – М.Х.). Еврей, сотрудничавший с римлянами, официально считался в стране отщепенцем, лишенным права свидетельствовать в суде».

Здесь мы позволим себе некое отступление от сюжета, чтоб проиллюстрировать высказывание Хаима Козна талмудической притчей. Бог спросил римлян: «Что вы делали во время вашего правления на Моей Земле?» Они ответили: «Владыка Мира, мы основали рынки, мы построили бани, мы умножили золото и серебро, и все, что мы делали, мы делали для народа Израиля, чтобы он был свободен для изучения своего Закона». И сказал Всевышний:

«Глупцы! Ведь все, что вы делали, вы делали для собственного благополучия, Вы основали рынки для ваших общественных зданий, вы построили бани, чтоб дать удовольствие вашему телу. А золото и серебро? Их вы украли у Меня, ибо написано: «Мое серебро и золото», говорит Бог Воинств (книга пророка Хагая (Аггея), 2:8). И римляне были прогнаны» («Авода зара», 2б) Даже те несомненные блага цивилизации, которые пришли вместе с Римом, воспринимались евреями только с отвращением. «Для евреев не было ничего отвратительнее вида римских солдат, римских офицеров и римских сборщиков податей. Беспрестанное нарушение римлянами еврейских правил и традиций «приводило народ в совершенное бешенство».

По мнению Х. Козна, внезапный арест Йешуа дал первосвященнику и Синедриону, главным посредникам между римскими властями и еврейской общиной, великолепный шанс: «Еврейское руководство того времени было крайне заинтересовано предотвратить казнь римлянами еврея, тем более еврея, столь популярного, как Иисус... Удачная попытка спасти его могла восстановить первосвященника и Синедрион в глазах народа как его естественное и принятое им руководство». Кроме того, по мнению Х. Козна, Синедриону важно было самому разобраться с Йешуа и для выяснения своих отношений с прокуратором. Синедриону было весьма желательно самому погасить это дело и тем самым демонстрировать обеспокоенному возможным еврейским мятежом прокуратуру свою способность самостоятельно регулировать закон и порядок. Иначе Пилат мог лишиться Синедрион каких-то присвоенных ему императорами прав (как теперь выражаются, культурно-национальной автономии), ссылаясь на то, что евреи не способны без римской власти выполнять эти функции.

Такова основная версия Хаима Козна, позволяющая одним усилием уничтожить все юридические противоречия, накопленные поколениями «библеистов» вокруг таинственного ночного заседания Синедриона.

Она, в частности, поддерживается странным поведением суда в вопросе о свидетелях. Казалось бы, если Синедрион созван, чтобы заранее осудить Йешуа на смерть по обвинению в богохульстве, как это полагали евангелисты, ничего проще нет, чем найти подходящих свидетелей. Сам Иисус не раз подчеркивал, что «говорил явно миру» (Ин 18:20), учил в Храме, «где весь народ с утра приходил Нему» (Лк. 21:38). Видимо, не так трудно найти людей, готовых изложить суду то, что говорилось открыто и явно, на людях. Но Синедрион признал всех – «лжесвидетелями»! Таким образом, возможные свидетели на будущем суде у Пилата заранее «дисквалифицировались».

Прежде чем перейти к анализу последнего аргумента Козна, объясняющего, почему хитроумная тактика Синедриона провалилась, разберем еще одну существовавшую ранее в науке гипотезу относительно этого заседания – так называемую «гипотезу предварительного следствия».

По этой гипотезе Пилат неслучайно отдал Йешуа на ночь еврейским судьям. Они были на самом деле не судьи, а следователи, выполнявшие некое задание для римского прокуратора, готовившими для него следственное дело. В таком случае отпадают почти все юридические возражения: заседать суду, конечно, нельзя, но совещаться людям в рабочем порядке как органу не судебному, но политико-административному – можно; можно и вести допрос обвиняемого – это не запрещено на следствии; можно и даже должно собраться не в Храме, а в частном доме, ведь не суд, а просто совещание; можно подбирать тех или иных свидетелей. Да и побить обвиняемого при надобности – тоже не запрещено...

И так далее.

Гипотезу Козн опровергает следующим образом.

Предварительное следствие должно вестись так, чтобы подготовить последующий суд. В таком случае и допросы, и пункты обвинения должны формулироваться так, чтобы потом на суде они могли быть проверены в ходе судебного следствия. Но между ходом ночного заседания и ходом утреннего суда у Пилата нет ничего общего! Ночью Йешуа обвиняют и допрашивают по сути религиозной доктрины – обвинение сводится к «богохульству». Синедрион ведет допрос исключительно по проблемам, подлежащим его, а не римской юрисдикции! Перед Пилатом же его обвиняют в том, что он «возмущает народ», «развращает народ» (Лк 23, 5 и 14), что он «злодей» и «самозванец, делающий

себя царем» (Ин 18: 30 и 19: 12). Но никто не задал тот вопрос, констатирует Коэн, который на утро задаст Пилат и который, единственный, будет интересоваться римского судью: «Ты – Царь Иудейский?»...

Здесь я хочу вмешаться в ход рассуждений юриста.

Мне кажется, что интереснейшие логические и эмоциональные выкладки, свойственные мышлению юриста, не должны заслонять от нас очевидных проблем, которые возникнут вместо прежних, если принять гипотезу Коэна.

Первое. Зачем Пилат, если он не нуждался в содействии Синедриона, отдал ему узника на ночь?

В чем вообще заключался в этом казусе интерес Пилата?

Почему евангелисты так настойчиво и страстно обвиняли в предательстве именно Синедрион?

Почему сам Иисус, по словам Иоанна, тоже считал первосвященника (или Синедрион?) куда более виновным в своей гибели, чем некоего чиновника, отдавшего его в руки палачей?

«Пилат говорит Ему: «Мне ли не отвечаешь? Не знаешь ли, что я имею власть распять Тебя и власть имею отпустить Тебя?» Иисус отвечал: «Ты не имел бы надо Мной никакой власти, если бы не дано тебе было свыше; посему более греха на том, кто предал Меня тебе» (Ин 19:10-20).

Чтобы понять, где пересекались интересы Пилата с интересами, которые имелись у еврейских судей, согласно концепции Х. Коэна, нам придется сделать еще одно отступление от сюжета – задуматься о психологии и служебной позиции пятого прокуратора Иудеи всадника Понтия Пилата.

Евреи считались привилегированным народом в Римской империи. И – параллельно – народом ненавидимым. Привилегии были дарованы им Юлием Цезарем, Октавианом Августом, Тиберием и Клавдием. Привилегии, естественно, выделялись им не из-за какой-то необъяснимой симпатии к странному восточному народу. Нет, евреи на протяжении римской истории успели показать себя общиной, чрезвычайно заинтересованной в порядке и стабильности в бассейне Средиземного моря: они уже тогда играли крупную роль в ремесле и международной торговле (которая являлась де-факто внутриимперской торговлей). Император, даже самый жестокий для своих приближенных, казался евреям неким гарантом порядка – после эпохи гражданских войн, разрывавших финансовые и торговые связи между регионами. Потому в конфликтах, которые разворачивались у императоров с внутренней оппозицией, еврейские политики во всех концах *Pax Romana* поддерживали центральную власть. Внутренней же оппозицией тогда считались, прежде всего, сенаторы, единственные лица, кто еще сохранял не только номинальную функцию перед лицом «первого из сенаторов» (такой официальный гражданский титул носили императоры), но и принимали участие в реальном управлении Римом.

Соответственно среди сенаторов и близких к ним высших чиновников государственного аппарата (особенно – греков) имелось немало могущественных противников еврейской общины – хотя бы в пику императорам. Эта антипатия подогревалась противоречием обычаев и законов еврейства с общепринятыми имперскими нормами. Например, постулатом еврейской религии значилось: «Не сотвори себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху и что на земле внизу, и что в водах ниже земли» (Второзак. 5:8), и в любом, даже самом снисходительном варианте еврейской религии эта догма понималась как запрет на изображение обожествленных идолов. Между тем, римляне обожали выставлять изображения своего бога – императора в общественных местах. Евреям была дана привилегия – не вносить изображения императора в Храм и вообще в Иерусалим, но само собой понятно, что такая привилегия весьма не нравилась даже их покровителям-императорам и тем давала отличный повод ненавистникам провоцировать и преследовать их на просторах империи. И синагоги в городах, расположенных вне Эрец-Исраэль, не были защищены от внезапного появления там штандарта с портретом идола-императора...

Когда в начале 20-х гг. молодой наследник Августа, талантливый

полководец и изощренный политик Тиберий был провозглашен очередным императором, сенаторы окунали его в позорные потоки непристойной лести (говорят, выходя из Сената, он иногда жалел, что вообще принадлежит к человеческому роду!) и одновременно – постоянно занимались интригами и даже заговорами против его политики (что и завершилось его убийством – он был задушен). К середине 20-х гг. он всех вроде победил, опираясь на сосредоточенные возле Рима девять когорт наемных гвардейцев-преторианцев во главе с их командиром – Элием Сеяном. Прежнее двоевластие – император-сенат сменилось новым дуэтом власти – Тиберий-Сеян. Сеян хотел, чтоб ему тоже воздавались почести, как богу. Его изображения стали почитать повсюду, кроме “провинции Сирии”, в чем, естественно, виновными оказались евреи. В 31 г., однако Тиберий сыграл в другую игру – оперевшись на уцелевших сенаторов, провел через сенат осуждение Сеяна и уничтожил не только его, но всю его семью, включая малолетних детей... “После смерти Сеяна, - пишет Филон Александрийский, - для Тиберия сразу стало ясно, что обвинения против римских евреев были сфабрикованы самим Сеяном, который хотел стереть с лица земли еврейскую расу... Тиберий издал инструкцию для правителей провинций, что они должны уважать самих евреев и их законы”.

И вот теперь, покончив с неизбежной преамбулой, настала пора сообщить, что назначение Пилата пятым прокуратором Иудеи было инспирировано в 25 году н. э. его покровителем - Сеяном. Естественно, что, по словам Иосифа Флавия, тот и решил “начать с демонстрации своего презрения к еврейским законам”. Внес штандарты с изображением императора в Иерусалим! Пилат проявил немалое коварство: не желая повергнуть операцию опасному риску, внес штандарты в город глубокой ночью. Когда жители проснулись, портреты императора стояли у главных общественных зданий столицы. Он, конечно, хотел проучить этих строптивых туземцев, показать им – “что приемлемо, что само собой разумеется для других народов, подвластных Риму, должно быть принято и евреями тоже”. У других народов есть свои культы? Есть! И есть города, не менее для них святые, чем Иерусалим для евреев? Есть. Но те смирились с изображением божественного Августа на улицах? Смирились. Вот и евреи пусть смиряются. Никаких поблажек – пришла теперь и в Иерусалим новая эпоха.

Как ни удивительно, но наутро открытого восстания не последовало. Козн предполагает (думается, справедливо), что еврейские руководители отнеслись к Пилату, как к еще неиспытанному новичку, которому следует дать шанс обдумать поведение... Иосиф Флавий так описал удивительное происшествие. Толпы демонстрантов двинулись из Иерусалима в резиденцию прокуратора – Кейсарию. По дороге к ним присоединялись все новые “ходоки”. Единственное место в Кейсарии, где они смогли поместиться, оказался стадион – туда их и загнали стражники. Представители демонстрантов умоляли прокуратора вынести штандарты вон из Иерусалима, но Пилат, как пишет Флавий, отказал: “Это было бы оскорблением императору”. Тогда евреи избрали, как сейчас говорят, тактику пассивного сопротивления: шесть дней и ночей лежали на земле неподвижно. На седьмой день их окружили железным кольцом римские когорты. Пилат “угрожал им, что если не уйдут сейчас же подобру-поздорову, то воины перебьют их всех до единого. Тогда евреи обнажили шеи и ответили, что скорее умрут, чем допустят поругание своих святых и мудрых законов”.

Почему легионеры не пустили тогда в ход оружие? Может, именно потому, что евреи были безоружными, и воины не опасались за свою безопасность? А, может, за эти семь дней прокуратор успел получить распоряжение от старшего по званию офицера, лучше разбиравшегося в раскладе внутренних партий в империи, – из Дамаска? Как бы ни было, но Флавий сообщает: “Пилат не мог не восхититься верностью евреев своему закону и приказал вернуть штандарты в Кейсарию” (54).

Видимо, это было первая зафиксированная в мировой истории победа «движения пассивного сопротивления».

Эпизод мне представляется весьма важным для осознания недостатков козновского анализа всей ситуации того времени. Вот как Х. Козн откомментировал этот фрагмент из Иосифа Флавия:

«Удивительно, что евреи, обычно не воздерживавшиеся от стихийного мятежа в ответ на малейшую римскую провокацию, на этот раз ограничились хорошо организованным массовым маршем в дальнюю Кейсарию. Не менее

удивительно, что Пилат, пославший армейский контингент в Иерусалим и поместивший там штандарты по тщательно разработанному плану, теперь, когда этот план удался, был внезапно «впечатлен постоянством» евреев и кротко им уступил. Ведь именно это «постоянство», эта «упорная настойчивость» и были причиной его желания «проучить евреев». Так что его поведение, как его описывает Флавий, кажется нам лишенным всякой логики. Быть может, историк дал нам неполный отчет о событиях. Быть может, в Иерусалиме вспыхнуло восстание, и римские силы потерпели там поражение. Быть может, Пилат получил из Рима инструкции не обострять отношений с туземным населением на религиозной почве. Во всяком случае, тот факт, что первое столкновение между прокуратором и евреями окончилось победой последних, мог только обострить его ненависть к ним и превратить ее в безотчетный гнев».

Итак, Козну описанное Флавием кажется «лишенным всякой логики». Возможно, если бы Пилат и евреи действовали как частные лица, как соседи по коммунальной квартире, с ним можно было бы согласиться.. Но обе стороны являлись важными фигурами в большой политической игре, а ее логика отличается от житейской...

На что рассчитывал Пилат, делая ход? Именно на естественную реакцию «еврейского стихийного мятежа», которая представляется такой логичной Козну. Мятеж римскому командиру положено потопить в крови, положено остаться победителем – к такому решению прокуратора никто из начальства и не придерется. Но евреи провели неожиданную комбинацию – мирную демонстрацию невооруженных людей. Ответная игра не была ни рассчитана, ни даже предусмотрена ни Пилатом, ни, возможно, стоявшим за его спиной Сеяном. Мятеж положено подавлять, но если нет мятежа, а де-факто есть только просьба подданных соблюдать *дарованные императором* привилегии... Не будет ли выглядеть прокуратор в глазах своего начальства человеком, вызвавшим мятеж, спровоцировавшим его? Между тем, такая провокация вовсе не входит в функции местного администратора-оккупанта: мятеж без необходимости смотрится его же собственным начальством как его упущение... Пилат мог выполнять задание (или желание) своего покровителя, Сеяна, но как политик он знал, что хозяин империи, чьим прямым наместником он является, вовсе мятежа в Иудее не хотел. И вряд ли Пилат получал инструкции из Рима: за неделю инструкции не успели дойти. Он вообще не имел полномочий от своего хозяина – и вынужден был отступить.

Представить, что после такого «аффронта» он исполнился по отношению к евреям «безотчетным гневом», как пишет Козн, - значит, предполагать, что политик ненавидит того, кому проиграл ту или иную кампанию. Нет, естественно, он не любит партнера, которому проиграл, он, конечно, постарается отыграться... Пилат и отыгрался – в истории с постройкой акведука, где насильно отобрал у Храма деньги на его строительство, но он принял во внимание искусство противника и не только не будет играть, повинувшись «безотчетному гнев», как полагает Козн, но напротив – еще более расчетливо и осторожно поведет свою партию.

Между прочим, аналогичный конфликт возник у Пилата с евреями и еще позже: он описан в другом источнике – в сохранившемся письме еврейского принца (позднее царя) Агриппы к его личному другу, императору Каю («Калигуле» - «сапожку»). Пилат повесил в Иерусалиме на дворце Ирода «золотые щиты с надписями», которые почему-то оскорбили евреев: делегация во главе с четырьмя князьями из семьи Ирода «просят не доводить евреев до мятежа и не пользоваться Тиберием как предлогом для оскорбления еврейского народа. Они требуют у Пилата *предъявить полномочия* для его действий и угрожают апеллировать к своему императору, которого многозначительно называют своим господином. Эта угроза обеспокоила Пилата, опасавшегося, что его плохое управление Иудеей станет известно Тиберию»...

Кстати – Пилат в тот раз не сдался. И на него действительно пожаловались, и Тиберий резко порицал его «за необдуманное новшество». Так что как логика поступка политика (а отнюдь не самодержца) в его поведении все же прослеживается.

Что у Пилата были очевидные мотивы избегать провоцирования мятежа в подведомственной ему провинции, особенно учитывая хитрое и ловкое поведение конкурирующей, еврейской администрации, видно из того эпизода, которым карьера его внезапно завершилась. По писанию Флавия, римская конница

внезапно окружила процессию самаритян, поднимавшихся на святую для них гору Гаризим для молитвы. Отряд пехотинцев напал на молящихся с мечами – и многие погибли. Остальных взяли в рабы. Пленники из знатных семей были казнены. Совет самаритян пожаловался верховному прокуратору Сирии, уверяя в своей верности Риму и обвиняя прокуратора Иудеи в несправедливости и массовом убийстве ни в чем неповинных перед императором людей. Сирийский босс приказал Пилату отбыть в Рим для отчета в своих действиях, там он попал в опалу и, по неподтвержденным намекам, умер все-таки не своей смертью...

Возвращаясь к нашему сюжету, отметим вот какое важное обстоятельство: за два года до появления Иешуа в Иерусалиме, в далеком Риме произошло важное для Пилата событие. Его покровитель Сеян, ретивый преследователь евреев, был обвинен в заговоре против императора и казнен. Таким образом, в расчеты опытного администратора (он пробыл на своем посту уже 8 лет) никак не могло входить поощрение в какой бы то ни было форме мятежа в Иудее. Он весьма обеспокоился, когда получил известия о безграничном влиянии Иешуа на народ... И если Синедрион, наверно, ненавидимый им, но и уважаемый за политическую ловкость и маневренность, предложил совместную акцию по обезвреживанию источника мятежа, причем без лишнего шума – это могло теоретически устроить могущественного прокуратора.

И потому на одну ночь, «для предварительного следствия», он мог отдать Иешуа на волю евреям. Если сами его казнят – тем лучше для прокуратора: угроза мятежа ликвидируется собственными еврейскими руками. Если нет... Что ж, по крайней мере, еврейские интриганы будут повязаны в это дело и в любом случае не навредят ему, Пилату, в политических хитросплетениях при римском дворе.

По версии Х. Коэна, задача, задуманная старейшинами Синедриона в ту ночь, заключалась в спасении Иешуа от смертного приговора, неизбежно грозящего от такого судьи, как Пилат. Только такой задачей, повторяю, и могли быть преодолены те юридические несообразности, тот процессуальный абсурд, который историки много десятилетий фиксируют в «ночном заседании».

Что мог обещать Синедрион Пилату в обмен на предоставление этой «следственной ночи»?

Ответ очевиден. Особенно для бывшего советского человека.

Что у нас считалось самым желательным, самым важным в исходе любого политического процесса?

Отречение от своих убеждений и раскаяние в преступной деятельности.

Несомненно, это казалось самым важным Пилату. Исследователь Эд. Мейер однажды заметил: «Если даже еврейские правители не могли справиться с евреями, и каждая их акция вызывала резкую общественную критику, а то и фанатическое сопротивление, то обыкновенного римского администратора они могли повергнуть в полное отчаяние, и если прибавить к этому постоянные нападения разбойников под религиозно-политическим предлогом, то легко понять, что прокураторы порой неистовствовали и били вслепую». А тут ему могли пообещать раскаяние и отречение еврейского пророка. Всего за цену одной-то следственной ночи в доме первосвященника...

И – в этом я согласен с Коэном – Синедрион мог рассчитывать на многие достижения в сложной политической игре.

Он мог доказать этому дикарю Пилату, что они, умные евреи, без крови и мятежей, без особых скандалов, умело управляют «жестоковыми» соплеменниками, если только кровожадные язычники не будут мешать.

Нейтрализуя опаснейшего идейно-политического конкурента, используя подвернувшуюся так кстати угрозу передать Иешуа в руки язычников, для неминуемой смерти на кресте, Синедрион на какое-то время превращался в авторитетную еврейскую инстанцию, которая – вот, сами видите – «знает, как надо...» действовать в сложном мире, в отличие от этих безумных крикунов-галилеян, zelотов, повстанцев, с их вечными идеями борьбы за освобождение.

Спасая популярного галилеянина от римского креста, Синедрион возвращал некую легитимность своей политике «коллорабионизма» – сотрудничества с Римом. Пусть народ сам увидит, к каким благим результатам

может привести компромисс, переговоры – вместо безумных бунтов и восстаний против мощи сверхдержавы.

Так что они искренно могли хотеть его спасти – в этом я могу согласиться с Х. Коэн. Не для него – ни в коем случае, но для самих себя, для своих политических расчетов. Потому и не пожалели времени, собрались в праздник, ночью, потому и забраковали всех свидетелей, которые могли на утро, на суде у Пилата нестати подтвердить какое-то обвинение (ведь Йешуа вел свои проповеди открыто!). Отныне все свидетели, кто могли сказать что-то против него, были формально забракованы и более не могли свидетельствовать. Оставалась последняя часть задуманной «судьями-следователями» операции – убедить его самого отречься...

Йешуа молчал, когда шел допрос свидетелей. Возможно, они и говорили правду, или то, какой им эта правда виделась на самом деле, но его вмешательства не требовалось: Синедрион забраковал показания сам. И вдруг первосвященник, вопреки принятой процедуре, обращается с вопросом к нему: «Заклинаю Тебя Богом живым, скажи нам, Ты ли Христос (т. е. Маших – М.Х.), сын Божий?» Иисус говорит ему: «Ты это сказал. Даже сказываю вам: отныне узрите Сына Человеческого, сидящего одесную Силы и грядущего на облаках небесных». Тогда первосвященник разорвал одежды свои и сказал: «Он богохульствует, на что еще нам свидетели» (Мф 26,63-65).

Мы уже знаем от Флюссера: никакого богохульства с точки зрения еврейского Закона сказано не было. И сидение по правую руку от Бога считалось доступным для избранного Им человека (того же Мелхиседека), и говорили, что пророк Элияху (Илья) грядет на землю на облаках... Йешуа, видимо, отлично понимал смысл совершавшегося и вовсе не стремился на крест («Господи, да минет меня чаша сия»), поэтому на прямой вопрос первосвященника ответил не прямо, а уклончиво («Это ты сказал»), но – все-таки не отрекся.

И стало ясно, что на утро – он тоже не отречется.

Потому первосвященник и разорвал на себе одежду: хитроумная игра, усилия, истраченные на переговоры с Пилатом, на дезавуирование свидетелей – все кончилось крахом. Видимо, первосвященник был умным по-житейски человеком – и понял сразу, что длить разговоры бессмысленно. Ситуация безнадежна. *Этот* Сын человеческий (на иврите буквально – человек) никогда не отречется от Миссии.

Разрывание одежды – это старинный символ горя в предвидении какого-то национального бедствия. Неужели первосвященник был настолько мудр, что предвидел последствия того, что случилось в его доме той ночью?

Тогда объяснимо и последующее избиение арестованного: оно немисливо для обычного еврейского суда, тем паче после вынесенного решения, а вот для получастной процедуры – почему ж нет? Почтенных отцов самых знатных и уважаемых семейств города и народа оторвали от праздничных столов, вызвали ночью, они работали, фальсифицируя судебное следствие, были исполнены гордыни, какие ловкие, хитроумные, как всех оппонентов проведут и выведут – и все сорвалось. Подсудимый отказался отречься. От себя.

«Синедрион был поставлен перед дилеммой, - пишет Х. Коэн,- признать Иисуса Мессией и подчиниться его авторитету или защитить свой собственный авторитет и требовать от Иисуса верности и подчинения. Трудно обвинять Синедрион, что его выбор пал на вторую возможность».

Житейски верное рассуждение...

На утро Йешуа отвели на римский суд к Пилату – в преториум, специальное помещение, где властью, дарованной ему императором, наместник исполнял не только административные, но и судебные функции в провинции Иудея.

В отличие от Вечного города, где суды нередко проводились на площадях, где прислушивались к *vox populi* (гласу народа), в провинциях наместники вели

суд в закрытых от посторонней публики помещениях (in camera). Следовательно, евреи не могли иметь доступа в помещение суда: Пилат вел допрос и выносил решение один на один с подсудимым и вызванными, в случае нужды, свидетелями (разве что в присутствии особых помощников, чиновников для записи совершавшегося). Однако Евангелия сообщают, что евреи принимали активное участие в решении участи Йешуа. Где же они находились? Для публики был отведен в преториуме особый двор: там желающие могли дожидаться оглашения приговора... Поскольку не раз упоминается, что Пилат «вышел к евреям», видимо, находились именно там.

Есть версия (она даже упомянута в Евангелиях, у Иоанна), мол, евреи специально не зашли в зал суда, чтоб «не оскверниться и есть пасху». Но это – какая-то ошибка евангелиста: запрет на вхождение в помещение язычников распространялся лишь на идоложертвенные капища, но не на обычные дома (иначе евреи практически не могли бы вести никаких дел с язычниками). Нет, их в зал суда просто не пустили... Практика по ведению закрытых политических судов в империи не оригинальная!

В евангельских описаниях «суда Пилата» Х. Коэн нашел еще больше, с его точки зрения, несуразностей и юридических нелепостей, чем в эпизодах с «ночным судилищем». Начал он с того, что присутствие во дворе преториума первосвященников и старейших Храма в принципе выглядит невероятным: ведь они были не людьми на покое, стариками, а являлись официальными служителями главного религиозного учреждения мировой (тогда) религии. В первый пасхальный день, т. е. в главный праздник своей веры, такие люди, как известно, заняты «на работе» в Храме до предела...

Далее автор задает воображаемые вопросы к евангелистам, точнее, к тем, кто им доверяет:

1. Пилат хотел оправдать Иисуса. Почему же он не сделал этого?
2. Если существовал пасхальный обычай помилования преступника на Песах, почему выбор делали только между Иисусом и Варравой? Почему толпе не предложили выбрать, скажем, кого-то из преступников, распятых позднее рядом с Христом?
3. Если такой обычай существовал, на каком основании выбор амнистированного делался людьми, собравшимися в этот день во дворе преториума? Почему именно ими, а не другими? Кто их наделял их такими полномочиями?
4. Пилат считал Иисуса невиновным. Тогда почему он должен был помиловать его, а не оправдать? Скажем, помиловать мог бы Варраву, а Иисуса просто отпустить - как оправданного?
5. Варрава евангелистами назван убийцей, причем, политическим – террористом («возмущение»). Почему же *такого* опасного преступника Пилат отпустил по требованию народа? Как это помилование смотрелось глазами римских чиновников, да и императора Тиберия, если бы кто-то на Пилата пожаловался?
6. Народ первосвященникам и их присным вовсе не верил - как римским ставленникам (должность первосвященника покупалась у прокуратора кем-то из главных богачей Иерусалима за немалые деньги. Вот почему в Евангелиях упомянуто несколько первосвященников – они как бы занимались ежегодной ротацией, в зависимости от наличия денег в тот или иной год в той или иной семье). Почему Пилат, который отлично знал, насколько первосвященники и их близкие непопулярны, уступил «ложному гласу народа», инспирированному коллаборантами?
7. И вообще шумная перебранка - возможна ли она в присутствии римского наместника, обладавшего самодержавными правами в той стране.
8. Почему, кроме Евангелий, мы нигде не находим никаких упоминаний о *privilegium paschale* («пасхальном помиловании»)? Даже Иосиф Флавий, пунктуально перечисляющий все привилегии, данные римскими правительствами их еврейским подданным, ни разу не упомянул о такой привилегии? И ни про одного прокуратора – ни до, ни после Пилата, да и про самого Пилата до или после суда над Йешуа нигде и никто не упоминает в связи с какой-то амнистии римским наместником

преступника на еврейский Песах.

9. По римскому закону провинциальный наместник не имел права миловать преступников – это являлось исключительной привилегией императора. Присвоение этого права каким-либо должностным лицом каралось по закону *lex julia* (закону Юлия Цезаря о нарушении его полномочий) и считалось равносильным государственной измене. Нигде не упомянуто, будто Тиберий наделил этим правом своего наместника Пилата.

В подкрепление собственной версии Коэн обширно цитирует, как он выражается, «маститого христианского теолога», проф. С Брандона. Вот этот текст:

«Пилат вел себя как человек безвольный, лишенный чувства собственного достоинства. Вопреки своей убежденности, что Иисус был невинной жертвой ненависти первосвященников, он не действует, как подобает гордому римскому наместнику, и не отпускает Иисуса на волю, хотя имел для этого и желание, и право, и силу. Вместо этого, как уверяют евангелисты, он прибегает к увертке, воспользовавшись предложением - «пасхальным помилованием». Но и это не все. Когда первосвященники встретили его увертку призывом к толпе требовать освобождения Варравы, он беспомощно вопрошает: «Что же хотите, чтоб я сделал с Тем, которого вы называете Царем иудейским?» (Мк, 15:12). Следует полностью оценить невероятное положение, подразумеваемое в отчете Марка: римский правитель, располагающий действенной военной поддержкой и убежденный в невинности обвиняемого, прибегает к неизвестному обычаю для выполнения своего решения. Когда же срывается и эта попытка, он обращается к подстрекаемой первосвященниками толпе с вопросом: что ему делать с обвиняемым? Если Пилат действительно прибег к мнимому обычаю, то это говорит не только о его чрезмерной слабости, но и о невообразимой глупости. Ведь если Иисус был пацифистом, как его представляет Марк, то Пилат должен был понять, что выбор толпы падет на воинственного антиримского патриота Варраву. То есть в результате удивительного поведения Пилата смертной казни был предан невинный человек, а опасный повстанец-зелот был освобожден».

Это лишь некоторые противоречия, обнаруженные Х. Коэном в евангельском сюжете о суде Пилата. Он в принципе полагает, что вся история с вмешательством еврейских священников и толпы в суд гордого и властного римского наместника придумана задним числом евангелистами, чтобы вывести свою общину из-под удара римского террора, чтобы убедить римлян: уже и ваш судья знал, что наш раббин невиновен против Рима, но его сбили с толку коварные еврейские судьи...

Пожалуй, можно было бы и принять эту версию, уж слишком алогично описан суд Пилата в синоптических Евангелиях, у того же Марка, например, на которого ссылается проф. Брандон. Но все меняется, когда мы обращаемся к параллельному и обширному тексту «от Иоанна». Прочитирую его полностью:

«От Каиафы повели Иисуса в преторию. Было утро... Пилат вышел к ним и сказал: «В чем вы обвиняете человека сего?» Они сказали: «Если бы он не был злодей, мы бы не привели его к тебе». Пилат сказал: «Возьмите его вы и по вашему закону судите его». Иудеи сказали ему: «Нам не дозволено предавать смерти никого»... Тогда Пилат опять вошел в преторию и призвал Иисуса и сказал ему: «Ты Царь Иудейский?» Иисус ответил: «От себя ли ты говоришь или другие сказали обо мне?» Пилат ответил: «Разве я иудей? Твой народ и первосвященники предали Тебя мне. Что ты сделал?» Иисус отвечал: «Царство мое не от мира сего. Если бы от мира сего было Царство Мое, то служители мои подвизались бы за меня, чтоб я не был предан иудеями, но ныне Царство Мое не отсюда». Пилат сказал ему: «Итак, ты Царь?» Иисус отвечал: «Ты говоришь, что я Царь. Я на то и родился и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать об истине. Всякий, кто от истины, слушает гласа Моего.» Пилат сказал ему: «Что есть истина?» И сказав это, опять вышел к иудеям и сказал им: «Я никакой вины не нахожу в нем. Есть же у вас обычай, чтобы я одного отпускал вам на Пасху. Хотите ли, отпущу Царя Иудейского?» Тогда опять закричали все, говоря: «Не Его, но Варраву». Варрава же был разбойник.

Тогда Пилат взял Иисуса и велел бить Его. И воины, сплетши венец из терна,

возложили Ему на голову и одели Его в багряницу, и говорили: «Радуйся, Царь Иудейский!». И били Его по ланитам. Пилат опять вышел и сказал им: «Вот, я вывожу Его к вам, чтобы вы знали, что я не нахожу в Нем никакой вины». Тогда вышел Иисус в терновом венце и багрянице. И сказал им Пилат: «Се Человек!» Когда же увидели Его первосвященники и служители, то закричали: «Распни, распни Его!» Пилат говорит им: «Возьмите Его вы и распните, ибо я не нахожу в нем вины». Иудеи отвечали ему: «Мы имеем закон, и по закону нашему Он должен умереть, потому что сделал Себя Сыном Божиим». Пилат, услышав это слово, больше убоялся. И опять вошел в преторию и сказал Иисусу: «Откуда Ты?» Но Иисус не дал ему ответа. Пилат говорит Ему: «Знаешь ли ты, что я имею власть распять Тебя и отпустить Тебя?» Иисус отвечал: «Ты не имел бы надо мною никакой власти, если бы не было дано тебе свыше. Посему более греха на том, кто предал Меня тебе». С этого времени Пилат искал отпустить Его. Иудеи же кричали: «Еслипустишь, ты не друг кесарю. Всякий, делающий себя царем, противник кесарю». Пилат, услышав это слово, вывел вон Иисуса и сел на судилище, называемое Лимфостроном... Тогда была пятница перед Пасхою, и час шестой. И сказал Пилат иудеям: «Се Царь ваш!» Но они закричали: «Возьми, возьми, распни Его!» Пилат говорит им: «Царя ли вашего распну?» Первосвященники отвечали: «Нет у нас царя, кроме кесаря». Тогда наконец он предал Его им на распятие» (Ин, 18: 28-40, 19: 1-26).

Теперь, имея перед собой наиболее полный евангельский текст и возражения на него Х. Козна, рассмотрим проблемы по порядку.

Евреи передали Пилату узника, не предъявив формального обвинения. Следовательно, Х. Козн прав: формального приговора в Синедрионе вынесено не было, иначе на вопрос Пилата люди первосвященника никак не могли бы ответить: «Если бы он не был злодей, мы бы не привели Его к тебе». Это уж точно не формулировка для послания одной юридической инстанции к другой. Реально она могла означать следующее: в своих обвинениях против Йешуа ты, прокуратор, прав. Он злодей, и за этого человека еврейская община Иудеи вступаться не собирается. Прокуратору, привыкшему, что его насильственные действия против евреев оспариваются властями автономии либо перед лицом начальства в Дамаске, либо в Риме, такое еврейское напутствие недвусмысленно развязывало руки: можешь делать с упрямым и глупым подсудимым-евреем все, что считаешь нужным...

Пилат знал, как к нему на самом деле относятся в Синедрионе. Он не мог не оценить ситуацию, которую «Деяния апостолов» позднее опишут так: «Жители Иерусалима и начальники их... не найдя в Нем никакой вины, достойной смерти, просили Пилата убить Его» (13:27-28). Потому несомненно с ехидцей он предложил им взять его и самим привести приговор в исполнение. Ему было бы удобнее, чтоб популярного еврейского проповедника предал смерти Синедрион, состоявший из людей, не раз обжаловавший его, Пилата, решения в правительстве, и прямо у кесаря. Еврейская казнь могла скомпрометировать его врагов и избавить прокуратора от лишних объяснений с начальством в случае возникновения волнений в народе. Но представители Храма ответили: «Нам не дозволено предавать никого смерти...»

Многие толкуют их ответ в юридическом смысле: евреям, мол, не даровано было в империи *lus gladii*, «право меча», право приводить в исполнение смертные приговоры. Это право римские императоры оставили целиком себе как прерогативу верховной власти империи и ею пользовались лишь их собственные наместники на местах. Именно так до сих пор многие и толкуют проведение суда Пилата после судилища Синедриона: евреи, мол, осудили Иисуса на смертную казнь за богохульство, но у них не было прав привести приговор в исполнение и потому они отдали подсудимого на расправу римскому наместнику, единственному, кто мог для них эту казнь исполнить...

Но стоило Х. Козну высказаться: «Да подобного ограничения для евреев в юриспруденции того времени не существовало!», и сразу в нашей с вами памяти возникает:

1) убийство (обезглавливание) Иоанна Предтечи в том же году тетрархом Иродом-Антиппой в Галилее. Ужели полномочия провинциального князька Ирода-Антиппы были настолько обширнее полномочий центральной власти автономии - Синедриона?

2) казнь Иакова, брата Господня, главы иерусалимской общины христиан,

примерно через 30 лет – в 62 г. н. э. По приговору Синедриона он был казнен в соответствии с еврейским обычаем – побоем камнями.

3) А попытка убить блудницу, осужденную Иисусом?

4) А попытка осудить и казнить апостолов, описанная в «Деяниях»: казнь, как известно, была сорвана речью раббана Гамлиэля, но ее явно хотели провести в жизнь...

Все казни или попытки казней по приговорам еврейских властей известны каждому читателю христианской литературы. Евреи вовсе не были лишены права выносить и приводить в исполнение судебные приговоры, включая даже смертные. «Права меча» еврейские власти, действительно, были лишены, потому что оно существовало только в римском, но не в еврейском праве! Казнить изменников и заговорщиков за измену императору и властям Рима могли, действительно, только римские судьи. Но в остальных преступлениях, особенно религиозных, еврейские суды сохраняли традиционные права и прерогативы.

Иоанн, например, был казнен по воле Ирода, как проповедник, представляющий опасность для него лично, а не для империи (он упрекнул тетрарха, что тот незаконно женился на жене своего брата). Иаков был казнен за то, что обвинил Синедрион в убийстве своего брата Йешуа – клеветнически, по мнению Синедриона, обвинил в «крови того человека». Никто не отнимал в этих казусах у еврейских властей права казнить своих врагов за нарушения местных законов. За богохульство, например... Отказ евреев исполнить казнь Йешуа означал в глазах прокуратора только одно: этот человек злодей, достоин смерти, но – не по нашим законам. Нам не дозволено его казнить. Это – твоя добыча, добыча *lus gladii*!

Пилат вернулся в зал суда и приступил к рутинной процедуре допроса, согласно подготовленному, как это полагалось, обвинительному заключению: «Ты Царь Иудейский?» Именно за такое преступление Синедрион и не мог казнить Йешуа по еврейскому закону: это чисто римская прерогатива.

Назначение кого-либо царем Иудеи по законам империи являлось неотъемлемой частью императорских прав. Так был назначен царем Ирод I-й – сенатским указом и по предложению Октавиана Августа (и Марка Антония, тогдашнего соправителя), так позднее был назначен царем Агриппа по указу императора Клавдия. Всякий, кто без одобрения императора объявлял себя царем, считался нарушителем главного закона империи – «Об оскорблении величества» (закон 8 года, изданный Октавианом Августом) и подлежал пытке и последующей казни через распятие – ибо меньшей меры наказания этот закон не знал.

Если бы Йешуа ответил Пилату отрицательно, то следственная рутинная потребовала бы допроса свидетелей. Если бы и тот допрос не внес ясности в дело, приступили бы к пытке обвиняемого. Такой существовал порядок. Йешуа же ответил уклончиво, ни «да», ни «нет»: «От себя ли ты говоришь, или другие сказали тебе обо Мне?»

Такой тон ответа доказывает – мне, во всяком случае, – что это – пересказ их подлинной беседы. Йешуа, видимо, понял тот урок, который желал преподнести ночью Синедрион: его уничтожат, если он будет настаивать на своих мессианских правах. Отрекись! И потому встречный ответ (он же вопрос) был уклончив... Напрасно Хаим Коэн полагает, что то была вежливая форма признания! Нет... Это было предложение обвинителю изложить свои аргументы, а уже потом самому обвиняемому решить, какая тактика на следствии для него более уместна.

Это нормальное человеческое поведение обвиняемого, которому грозит смертный приговор, который согласен на увертки, недомолвки, двусмысленности, чтоб спастись – но не на отречение от жизненных принципов. Изобретатели героических легенд придумали бы что-нибудь поэффектнее...

Пилат объяснил упрямцу: «Разве я иудей? Твой народ и первосвященники предали Тебя мне. Что ты сделал?»

Несомненно, явная, злобная неприязнь храмовых служителей к Йешуа расположила Пилата к нему. И тогда Йешуа пытается найти кажущийся верным выход из смертоносной позиции, в которую его вытеснили судьи Синедриона. «Царствие мое не от мира сего. Если бы от мира сего было Царство мое, то служители мои подвизались бы за меня, чтоб я не был предан иудеям. Но ныне Царство мое не отсюда». Он пытается объяснить Пилату, что они по-разному понимают сам термин – «Царство». Йешуа, не претендует на нарушение прерогатив императора Тиберия, в чем его обвиняет суд, – это заблуждение. Это –

терминологическая путаница.

То была попытка обвиняемого объясниться с обвинителем-судьей так, чтобы избежать смертного приговора, ни на йоту не отрекаясь от принципиальной позиции. И когда я перечитываю эти строки, думаю об одном: зачем нужны адвокаты в современном судебном процессе?

Юристы говорят в судах на особом, профессиональном языке, почти недоступном по смыслу для обычных смертных. Дело не в уме или глупости тех или иных сторон (юристы могут быть очень глупыми людьми, а обвиняемые, напротив, разбираться в сути дела лучше своих защитников). Дело в особом языке, который используется сторонами в юридических инстанциях и имеет лишь внешнее сходство с обычным литературным наречием. И незнание его делается смертельно опасным даже для умного обвиняемого, который без помощи адвоката, этого «переводчика с обычного языка на судейский», может проиграть дело, а с ним – жизнь или свободу.

Процесс «Римская республика против Йешуа ха-Нoцри» дал идеальный пример разночтения терминов у обвиняемого и судьи. Йешуа желал объяснить прокуратору, что он, называя себя Царем Иудейским, вовсе не претендует на светскую власть над этим малым кусочком суши с ее мятежным населением: «Царство мое не от мира сего» - и приводит неоспоримое доказательство своей правдивости: если б оно было от мира сего, если б оно было земной Иудеей, то подданные защитили бы его, он не остался бы один, когда пришел для его задержания римско-храмовой отряд. С точки зрения буквы римского закона (а он несомненно понял, в чем будет обвинен - уже ночью, уже в доме первосвященника) – он невиновен. Его царство – другое: это не Иудея, которой правит Тиберий, это - Царство Истины!

А для Пилата эти слова значили совсем иное. Для римлянина обожествление императора являлось само собой разумеющимся культом. И даже более важным культом, чем культ другого бога. Можно было не верить в могущество Юпитера, если уж предпочитаешь алтари Астарты или Осириса, пожалуйста, никто тебя не будет преследовать. Но божественность императора охранялась всеми легионами империи! Иногда кажется, что императоры всерьез верили в свое божественное предопределение – самый титул «Август» означал «божественный»...

Если бы у Йешуа был адвокат, он бы никогда не позволил ему сказать эти слова. Потому что претендуя на власть не в земной Иудее, а на господство в Царстве Истины, он претендовал, следовательно, на божественную власть. В глазах римлянина - на императорскую миссию. Спасти его после такого признания не мог никто.

Пилат повторил свой вопрос еще раз: «Итак, ты Царь?» Это точно соответствует римской судебной процедуре: Козн пишет, что полагалось два раза спросить, признает ли обвиняемый себя виновным. Йешуа снова повторил свою версию для суда: «Царство мое есть царство истины». Пилат сказал: «Что есть истина?»...

И тут произошел эпизод, который дает Хаиму Козну логические основания считать все, описанное от Иоанна, легендой: Пилат вышел из зала суда к евреям, ожидавшим приговора во дворе, и сказал им: «Я никакой вины не нахожу в нем».

Все логические аргументы «против» перечислены Козном безупречно: да, гордый, надменный римский наместник никогда в нормальной ситуации не стал бы выходить к еврейской толпе и зачем-то объяснять ей свои мотивы. Если кто-то невиновен – значит, невиновен. Так я решил – и все! Это было бы сказано по-римски...

Но в том и загадка жизни, что она не подчиняется логике – т. е. неким правилам, которые придумали древние эллины, чтобы нам, людям, было удобнее рассуждать. Жизнь, история, они не договаривались с нами, людьми, что будут верны нашим логическим правилам. Конечно, Пилат точно знал, что Йешуа виновен – и виновен именно по римским законам. Конечно, он точно знал, что не требуется проводить дальнейшее следствие – ни свидетелей, ни пыток более не нужно: подсудимый все главное уже сказал и подтвердил сам.

Но – Пилат просто не захотел его казнить.

Вопреки логике своей прежней жизни и вопреки своему служебному долгу.

В романе Льва Толстого «Война и мир» есть эпизод. Пьера Безухова,

оставшегося в оккупированной французами Москве (чтобы убить Наполеона!), ловят французские жандармы и отводят к самому жестокому и беспощадному человеку из окружения императора – маршалу Даву. Тот автоматически приказывает расстреливать каждого, кто попадает под его вердикт. То же несомненно должно произойти с Пьером. Но они глянули друг другу в глаза и почему-то ощутили, что они – люди, они – братья. И Даву оставляет Пьера в живых...

Такие случаи известны в истории. Когда в 1866 г. в Российской империи судили «каракозовцев», первых революционеров-террористов, был созван Верховный Уголовный суд, во главе которого поставили князя Павла Гагарина, карьериста николаевских времен, дослужившегося до постов председателя Государственного совета и кабинета министров, признанного лидера крепостников. И вот этот человек, насмотревшись в суде на мечтательных и наивных юношей, этот князь стал вытаскивать студентов, одного за другим, из петли. Вытащил всех, кого смог (самого Каракозова – ну, никак не мог, по закону, но – просил-таки о помиловании у царя!). «Странная вещь сердце человеческое вообще...»

Йешуа был великой харизматической личностью, оказывавшей огромное воздействие на всех, кто с ним соприкасался: иначе не могло быть, иначе после его гибели учение и школа рассыпалось бы... Надо понимать, насколько личное общение с такими людьми меняет тех, кто почему-либо вступает с ними в контакт.

Мне думается, что Пилат сам не понимал, что с ним творится. Он точно знал, что человек, находившийся перед ним, виновен в предъявленном ему обвинении. Он точно знал, что мера наказания, положенная ему по закону, одна – смертная казнь через распятие. И он – он не хотел выносить этот приговор человеку, стоявшему против него.

Отсюда вся нелогичность его поведения: он был уверен, горд и надменен, когда за его спиной стояла римская империя и римский закон. А теперь – теперь предстояло изменить Риму! Предать закон империи, которой он всю жизнь служил! Он, может, впервые в жизни, должен был опереться не на силу коллектива и традиций, которые определяли все его поведение до сих пор, а на силу собственной личности. А силы-то своей, личной, оказалось маловато.

Конечно, нарушить закон может и смеет всякий власть имущий деятель. Так мир устроен. Но – при условии: на него никто не пожалуется Вышним властям. Для этого надо договориться с теми, кто уже не раз на него жаловался. Надо как-то договориться с первосвященниками и с их кругом...

И он, вопреки логике, так убедительно набросанной Х. Козном, на самом деле мог и выйти к ним, чтобы уговорить их принять его решение. В конце концов, чего он хотел на этот раз? Не погубить же, напротив, спасти еврея. Он даже ход для них придумал...

«...Есть же у вас обычай, чтобы я одного отпускал вам на Пасху. Хотите ли, отпущу вам царя Иудейского...»

Это и есть ответ на все другие вопросы Х. Козна: конечно, Козн прав, никакого *римского обычая* отпускать осужденного на Песах не было. Это был «у вас», т. е. у евреев обычай, которые римляне могли - по своему желанию - соблюдать, а могли и нет. И, конечно, ничего никогда не зависело от какой-то собравшейся толпы: переговоры по такой амнистии шли всегда долго, между властями автономии и представителями императора, личность амнистированного тщательно обдумывалась и обсуждалась обеими сторонами заранее. Как всегда происходит в бюрократизированных инстанциях... Видимо, на этот раз предметом предварительного торга был террорист Варрава. Пилат предложил священникам - заменить его на Йешуа. Это давало бы ему козыри в руки: он мог осудить Йешуа по закону и остаться чистым перед Цезарем, мог бы оставить Йешуа в живых, сославшись на народные обычаи, с которыми сам император рекомендовал ему считаться и попусту мятежей не разжигать.

И представьте ужас, что охватил в этот миг первосвященников и старейшин Синедриона, увидевших Пилата, вышедшего из зала суда и выговорившего им эти условия.

Ведь уйти оправданным из-под суда прокуратура, да еще по обвинению в «оскорблении Величества» - это было для них не какое-то привычное чудо исцеления сухорукого или хождения по водам, «аки по суху». Освободить его из-под римской стражи означало для них – признать его истинным Машиахом и,

согласно Закону, немедленно подчинить Синедрион его воле и сделать себя простым инструментом Его власти. Во-первых, они в него не верили, во-вторых, для них это означало жуткую жизненную катастрофу – особенно учитывая то, что произошло с ними минувшей ночью.

«Тогда Пилат взял Иисуса и велел бить Его. И воины, сплетши венец из терна, возложили Ему на голову и одели Его в багряницу, и говорили: «Радуйся, Царь Иудейский!». И били Его по ланитам».

Зачем Пилат приказал бить Йешуа, которого считал невиновным в преступлении? Зачем приказал издеваться над ним?

В римском праве, напоминает Коэн, были приняты два вида бичевания. Первый – следственный бичевание: пытка, чтоб заставить обвиняемого говорить правду. «Судебный процесс без бичевания считался исключением из общего правила». Второе бичевание – часть общего наказания по приговору. Например, распятие обязательно сопровождалось процедурой избияния смертника.

В данном случае бичевание, судя по срокам, являлось следственным пыткой: приговор еще не был вынесен. Коэн делает интересное предположение: Йешуа пытали, чтоб заставить отказаться от своего признания, от своей миссии. «Бичевание следует за вопросом: «Что есть истина?»» (Ин 18:38), – пишет Коэн, – для того, чтобы показать Иисусу, до чего истина относительна и непостоянна... Если Пилат не в состоянии словами убедить Иисуса, что нет совершенной истины, он убедит его в этом с помощью бича».

Как обычно происходили римские суды над христианами, мы знаем из многих документов той эпохи. Обвиняемого в исповедовании христианства прежде всего бичевали, чтобы тот под пыткой отказался от своей веры. Если это не помогало, только тогда его распинали.

Вот письмо одного из римских судей, которого его современники-христиане считали одним из самых справедливых и милостивых римских правителей (так писал о нем Тертуллиан). Плиний Младший из Малой Азии докладывает императору Траяну (111-113 гг. н. э.):

«Я спрашиваю их, исповедуют ли они христианство. Если они признаются, я повторяю вопрос еще два раза и объясняю, что преступление это карается смертью. Если они и тогда не отказываются от своей религии, я приказываю их казнить. Тех же, кто отрицает, что они христиане или когда-либо были христианами, и повторяют за мной заклинания богов и поклоняются твоему, император, образу, совершая возлияние вина и благовоний, и под конец, проклинают Христа, т. е. тех, кто делают то, что ни один христианин не согласился бы делать даже под пыткой, я оправдываю и отпускаю. Тех же, кто сначала признался в принадлежности к христианству, а потом отказался от своих слов, – этих я подвергаю пытке, чтобы узнать правду».

Воины Пилата, как упомянуто, издевались над узником: надели лже-корону из терновника, лже-мантию из багрянца, становились на колени, приветствуя «царя», а потом били по лицу и плевали. Зачем?

Возможно, Пилат надеялся на отречение? И тогда мог бы его отпустить? Так, во всяком случае, предполагал евангелист Лука – у него Пилат говорит: «Я ничего достойного смерти в нем не нашел. Итак, *наказав*, отпущу» (23:22).

Но отречения после пыток не последовало, и Пилат снова сказал им: «Вот, я вывожу Его к вам, чтобы вы знали, что я не нахожу в Нем никакой вины». Тогда вышел Иисус в терновом венце и багрянице. И сказал им Пилат: «Се Человек!» Когда же увидели Его первосвященники и служители, то закричали: «Распни, распни Его!» Пилат говорит им: «Возьмите Его вы и распните, ибо я не нахожу в нем вины». Иудеи отвечали ему: «Мы имеем закон, и по закону нашему Он должен умереть, потому что сделал Себя Сыном Божиим». Пилат, услышав это слово, больше убоялся. И опять вошел в преторию и сказал Иисусу: «Откуда Ты?» Но Иисус не дал ему ответа. Пилат говорит Ему: «Знаешь ли ты, что я имею власть распять Тебя и отпустить Тебя?» Иисус отвечал: «Ты не имел бы надо мною никакой власти, если бы не было дано тебе свыше. Посему более греха на том, кто предал Меня тебе». С этого времени Пилат искал отпустить Его. Иудеи же кричали: «Если отпустишь, ты не друг кесарю. Всякий, делающий себя царем, противник кесарю». Пилат, услышав это слово, вывел вон Иисуса и сел на судилище, называемое Лимфостроном... Тогда была пятница перед Пасхою, и час шестой. И сказал Пилат иудеям: «Се Царь ваш!» Но они закричали: «Возьми, возьми, распни Его!» Пилат говорит им: «Царя ли вашего распну?»

Первосвященники отвечали: «Нет у нас царя, кроме кесаря». Тогда наконец он предал Его им на распятие» (Ин,18:28-40, 19:1-26).

Все рассуждения Х. Коэна о слабости и глупости, о растерянности Пилата, о бессмысленности всего его поведения – верны. Если только забыть эту фразу: «Если отпустишь, ты не друг кесарю. Всякий делающий себя царем, противник кесарю». Пилат знал, что его воля, его непонятный самому внутреннему голосу требуют совершить измену Риму, измену кесарю... Отсюда противоречия, которые справедливо выявил Х. Коэн. «Библеист» сделал отсюда, как полагается, политический вывод: мол, в рукописях подделаны факты, чтобы спасти общину от террора... Но это, якобы логичное объяснение Коэна на самом деле равно ничему не может объяснить. Потому что сразу встает вопрос: ну, и как, помогли подделанные евангельские байки христианам? Нет, не помогли. Как уничтожали и гнали римляне до Евангелий, так истребляли и казнили их после... Да и как могли эпизоды с Пилатом воздействовать на что-то или кого-то в общественном мнении Рима? Разве неясно каждому образованному римлянину, знающему порядки империи, что Иешуа был виновен в предъявленном обвинении – независимо от того, признал это некий странный прокуратор или нет. «Всякий объявляющий себя царем – противник кесарю» – разве этот аргумент первосвященников не был изначально неопровержим для любого римского гражданина? Римлянин мог сделать один вывод: Пилат почему-то решил проявить преступную мягкость, а местные евреи напомнили ему, что он наместник-судья, а не автократ, наделенный даром миловать государственных преступников. Все.

Более того, поведение Пилата не было понято и самими евангелистами, оно их тоже сбilo с толку поразило. Потому и возник у Матфея эпизод с женой Пилата, которой приснился вещий сон, мол, не надо казнить этого подсудимого... И послала она к мужу гонца в суд - с предупреждением. То есть евангелисты, потрясенные не меньше Х. Коэна алогичным, ненормальным поведением прокуратора, придумали свое, мистическое объяснение происходящего: сон, видите ли, снился супруге. Но если Пилат так уж верил снам (что, кстати, правдоподобно – вещим снам римляне верили), почему он жены-то не послушался?

Мне в эпизодах с Пилатом именно их нелогичность, нарушение нормального поведения римского наместника, абсурдность – все это и кажется доказательством достоверности описанного. Как и поведение служителей Храма: для них уступить воле Пилата – значило признать чудо явления Машиаха на землю. Это было бы для них истинным чудом, которое могло их сломать, - что он вышел живым из этой переделки, победив Рим – его власть, его спесь, его крест.

Думается, эпизод с Пилатом потому так подробно описан евангелистами, что для них он тоже казался знаком Божественного предопределения их раббы. Они ведь не скрыли, что Пилат уступил напору, что он трусил, что вынес приговор, вопреки собственной совести судьи. Ничего не скрыли... Но все равно он для них остался некоей знаковой фигурой – человеком, опознавшим в их Учителе нечто необыкновенное, что заставило его изменить собственной природе палача. Значит – кто такой их Учитель?

* * *

Но как истолковать знаменитый эпизод в книге от Матфея - омовение рук прокуратором: «Пилат, видя, что ничто не помогает, но смятение увеличивается, взял воды и умыл руки перед народом, и сказал: «Невинен я в крови Праведника Сего. Смотрите вы». И отвечал народ: «Кровь его на нас и детях наших» (Мф 27: 24-25).

Только один евангелист упомянул об этом странном обычае – трое остальных про «омовение» умалчивают. И Х. Коэн, естественно, рад был уловить Матфея на грубой ошибке: ведь омовение рук в знак отказа судьи от обвинительного приговора – чисто еврейский ритуал. Для римлянина омовение равно ничему не значило в судебной процедуре, этот обряд не должен ничего говорить его душе вообще...

Можно возразить Коэну, что это, так сказать, «средне логическое» суждение о Пилате... А если Пилат, уже восемь лет сидевший прокуратором в Иудее, любил вникать в обычаи и порядки покоренной провинции? Если он для

себя самого занимался особенностями еврейской юриспруденции – ну хоть для того, чтобы успешней ей противостоять? И потому - знал про еврейский обычай. Если член судейской коллегии в иудаизме не соглашался с вынесенным приговором, он вставал и умывал руки в знак отказа от утверждения им приговора...

Х. Коэн, конечно, предусмотрел возможное возражение и сразу парировал его следующим образом: дело не в том, что то был чисто еврейский обычай, не имевший для римлянина смысла - важнее другое: по римскому праву прокуратор всегда выносил приговор один, самостоятельно. Он не был членом некоей коллегии, как делалось в еврейских судах. Поэтому омовение рук Пилатом с точки зрения права реально означало бы одно - оправдание Иисуса! Но Иисус не был оправдан после ритуального «мытья рук» прокуратора, напротив, было сказано: «Тогда он (Пилат – М. Х.) наконец предал им его на распятие».

Чтобы решить затруднение, представляется полезным привлечь на помощь новые документы, содержание которых я узнал только из книги Х. Коэна.

Как известно, изначально Евангелий было не четыре, а много больше. Это уж отцы церкви составили канон Четвероевангелия, остальные жизнеописания Иисуса, сделанные его современниками, объявили апокрифами. Это было мудрое решение церковного руководства, потому что в разных жизнеописаниях наверняка имелись весьма значительные разночтения – не только в оценках, что нежелательно в книгах, признанных Боговдохновенными, но и просто в фактах. Каждый автор стремится написать о том, чего другие не знали или о чем они умолчали. Большинство книг, причисленных тогда к апокрифам, до нас не дошло, некоторые были опубликованы лишь в XX веке, причем в виде отрывков или так называемых «логий» (сборников изречений Иисуса). Из них стоит обратить внимание на так называемое «Евангелие от Петра», дошедшее до нас лишь в отрывках.

Первый из сохранившихся фрагментов начинается с интересующего нас эпизода: «Но никто из евреев, ни Ирод Антиппа, никто из судей не омыли своих рук. Тогда Пилат встал, а царь Ирод повелел вывести Господа, сказав им: «То, что я повелел вам сделать ему, делайте!».

Из контекста вроде бы несомненно следует, что до этого момента описывалось, что Пилат в роли одного из заседателей суда омыл руки, не согласившись со смертным приговором Иисусу, но он остался в меньшинстве, и тогда председательствующий в суде, тетрарх Галилеи Ирод-Антиппа – распорядился о казни...

В Евангелии от Луки тоже упоминается, что Ирод-Антиппа со своими людьми приехал на Песах паломником к Храму, и Пилат передавал дело Йешуа на его рассмотрение (так сказать, по гражданской принадлежности). Но Ирод-Антиппа, удостоверившись, что Йешуа – не ненавистный ему Иоанн (Предтеча), а совсем другой человек, поиздевавшись над арестантом, вернул дело Пилату обратно – как бы по месту совершения преступления (23:7). А апокрифическое Евангелие от Петра утверждает, что на самом деле Ирод-Антиппа принял-таки дело к рассмотрению и председательствовал в суде, а Пилат сидел лишь как один из зрителей местной судебной коллегии.

В таком случае он был бессилен что-либо изменить: его омовение рук ничего для участи подсудимого не значило! По описанию «Петра» (если тот действительно был автором Евангелия, дошедшего до нас, напоминая, лишь в разрозненных фрагментах), все решал Ирод-Антиппа. Далее описывается, как Иосиф из Арифатеи, «друг Пилата и Господа», «когда пришел к Пилату просить тело Иисуса для погребения», то Пилат сам не в силах был решить этот вопрос и обратился за советом к Ироду, а тот ответил: «Брат Пилат, даже если бы никто не просил об этом, мы должны похоронить его, ибо приближается суббота» (Петр, 2:3-5). Возможно, версия о первостепенном участии Ирода-Антиппы в убийстве Иисуса не умерла в народном сознании (выше упоминалось, что и в «Деяниях апостолов» было сказано: «поистине собрались в городе сем на Святого Сына Твоего Иисуса, помазанного Тобою, Ирод и Понтий Пилат с язычниками и народом Израильским, чтобы сделать то, чему быть предопределила рука Твоя и совет Твой» (4: 27-27) – именно в таком порядке! Тогда становится яснее страх Пилата перед еврейским доносом императору - по преданию, Ирод-Антиппа был интимным другом Августа Тиберия. Отцы церкви забраковали «бродячий» вариант (думается, вполне справедливо), но следы древнего народного сказания

все же остались в виде фрагмента про омовение рук у Матфея – но лишь у него одного из всех евангелистов...

В этом месте мне уместным показалось вспомнить еще об одном апокрифе, про само существование которого я узнал лишь из книги Х. Козна. В 19-м веке всплыл полный текст одного из таких апокрифов-евангелий – так называемое «Евангелие от Никодима». По преданию, после распятия Иешуа, фарисей Никодим (видимо, правильно – Накдимон. М. Х.) записал на иврите все, что «видел и слышал о поведении первосвященников и остальных евреев». (По изысканиям проф. Флюссера, Никодим был, наряду с Иосифом Аримафейским, членом городского совета и одним из трех богатейших людей Иерусалима, так что у Иешуа были, оказывается, тайные сторонники в самых закрытых «эшелонах власти».) Рукопись Накдимона была утеряна, но «некто Ананий, офицер стражи и знающий закон, нашел рукописи отчетов, сделанные евреями во время суда над нашим Господом, Иисусом Христом, перед Понтием Пилатом», и пишет, что обнаружил рукописи на иврите и «с Божьей помощью перевел их на греческий для сведения тех, кто призывает имя Бога нашего, Иисуса Христа».

Сам Ананий датирует свой вариант-список «Евангелия от Никодима» 425 г. н. э. Обнаружено несколько копий, причем экземпляры значительно отличаются друг от друга. В апокрифе имеется много подробностей деталей, резко отличающихся от канонических сюжетов Четвероевангелия. Например, по Никодиму в момент начала суда Иешуа еще не находился под стражей: он был приглашен к прокуратору особым вестником от Пилата. Там слуги Храма обвинили сначала его в том, что он незаконнорожденный («мамзер»), и, следовательно, не может быть Машиахом. На что двенадцать свидетелей защиты присягнули, что лично присутствовали на свадьбе Иосифа и Марии, и, значит, мальчик был вполне законным сыном и годился в Машиахи. Забавная судебская подробность: жрецы Храма отвергли их свидетельство под предлогом, что они не природные евреи, а «геры», новообращенные, и их свидетельство недостоверно! На что последовало яростное опровержение свидетелей, что они родились в еврействе... Тогда было выдвинуто новое обвинение, что Иешуа нарушал субботу, занимаясь исцелением. Перед судом прошли многие свидетели, исцеленные Иешуа, причем некоторые не смогли скрыть, что он действительно вылечил их в субботу. Никодим-Накдимон сам, по его словам, был свидетелем защиты, но его свидетельство было отвергнуто, потому что он не скрыл - является последователем Иешуа - и, естественно, был признан необъективным свидетелем... Но Пилат отверг это обвинение, заявив, что творить добро в субботу разрешается. Любопытная подробность: среди исцеленных свидетелей имелись женщины, и потому обвинители опротестовали их показания, ибо «по нашему закону свидетельство женщин неприемлемо». Пилат не обратил внимания на эти возражения, ибо, как ехидно заметил Х. Козн, «он же судил по римскому закону, а не по еврейскому». В заключение показаний свидетелей Пилат обратился к обвинителям с вопросом: «Почему вы хотите пролить невинную кровь?»

На обвинение Иешуа в богохульстве Пилат отвечает: «Если это богохульство, возьмите его в свои синагоги и судите его по вашим законам». Евреи отвечают, что по их законам Иешуа следует побить за богохульство камнями насмерть. Пилат... соглашается: «Возьмите его сами и накажите, как вам угодно». Но тут евреи упорствуют: «Мы хотим, чтоб его распяли». Пилат отвечает: «Он не заслуживает распятия».

В этом Евангелии любопытна вот такая деталь. Пилат упорно сопротивляется натиску священников, потому что видит многих евреев, плачущих и скорбящих по Иешуа. И тогда жрецы обвиняют его самого в измене императору, т. е. только под самый конец процесса возникает обвинение, подлежащее римскому праву...

В итоге разгневанный Пилат произносит речь, обличающую евреев в неблагодарности («ваш народ всегда восставал против своих благодетелей» и, прежде всего, в неблагодарности к своему Богу, избравшему их из всех народов Земли и осыпавшего их своими милостями. «А теперь вы обвиняете и меня в ненависти к императору!» И «устрашился Пилат, и, оmyв свои руки перед солнцем, сказал: «Я не повинен в крови этого праведника!» А евреи кричали: «Кровь его на нас и детях наших!»

Кстати, относительно этой устрашающей формулировки... Это, по словам Козна, была нормальная ритуальная формула принесения присяги в еврейском

суде. Она означала, что данное суду показание свидетеля считается верным – в любом варианте, т. е. будет подсудимый потом оправдан или осужден судом... Как бы: «Я отвечаю своей кровью и кровью своих детей перед Богом, что давал суду правдивые показания...» Т. е. чисто формально это могли бы кричать и свидетели обвинения и свидетели защиты, добиваясь у Пилата справедливого суда.

И еще одна новая подробность событий, описанная у Никодима: они не кончаются сценой распятия, а повествуют о том, что происходило далее. Первосвященники, оказывается, заточили в тюрьму Иосифа Аримафского и Никодима за то, что те с почетом похоронили Иешуа. Но потом вступили с ними в дискуссию и... хоть уклончиво, но покаяться, признали свою неправоту, сказав: «Сие – от Господа и есть дивно в очах наших» (Псалом 117:23). И тут все люди, бывшие с ними, «удалились в дома свои, прославляя Бога во веки веков. Аминь».

Последний акт трагедии – казнь.

Евреи почти не знали распятия как вида смертной казни: оно не входило в перечень мер, разрешенных их законом... Правда, существует стих в книге пророка Наума: «Вот молодой лев, вершивший отмщение... и распял всех в один день. Такого еще не случалось в Израиле, ибо написано: «Проклят перед Богом всякий распятый на дереве и (потому) не оскверняй земли твоей, которую Господь Бог твой дает тебе в удел» (Второзаконие, 21: 23). «Молодой лев» - это, видимо, знаменитый еврейский царь-полководец Александр-Яннай, приверженец учения цдуким (саддукеев): по рассказу Иосифа Флавия, он приказал казнить восемьсот законоучителей-фарисеев вместе с их женами. Фарисеи были распяты, а жены «умерщвлены перед их глазами». Флавий полагал, что царь умышленно выбрал распятие как способ казни, чтобы умирающие раввины видели, как на их глазах издеваются над женами и детьми. Характерно, что казнь была воспринята народом как неслыханное в истории Израиля и противоречившее еврейским законам и обычаям злодеяние.

У римлян же напротив распятие считалось унаследованным от древних предков и самым жестоким, самым страшным видом казни. Церемониал казни начинался с избияния осужденного бичами. Потом на избитого возлагался тяжелый крест, его руки прибавались или привязывались к кресту, и он должен был дотащить до места орудие своей смерти. Шел он туда совершенно голым, толпе предписывалось издеваться над ним по дороге (так называемый «воспитательный элемент наказания»). Умирание длилось долго, поэтому, в зависимости от решения властей, его либо прибавали гвоздями к столбу, если они хотели продемонстрировать снисхождение, либо привязывали, если желательным считалось усилить смертные муки. Иешуа скончался, как считалось, очень быстро - через шесть часов, многие же висели, умирая, по несколько суток. Хищные птицы выклевывали им глаза, дикие звери подкрадывались ночью и рвали еще живое тело. Дополнительная и крайне жестокая по понятиям тех времен мера наказания – отказ от погребения тел преданных смерти через распятие: их обычно оставляли на растерзание хищникам.

Тацит рассказывает, что в римском сенате нашелся сенатор-гуманист, предложивший отменить этот вид казни: «Преступника следует подвергать не тому, чего он, возможно, заслуживает, - цитирует историка Х. Коэн. - Просвещенный правитель и свободный от предрассудков сенат должны заменить это наказаниями без жестокости, не покрывая позором наше поколение». То есть даже в те времена находились люди, питавшие отвращение к такому виду казни и в самом Риме. Тем не менее, в Иудее, в частности, казнь применялась весьма широко. В 4-м году н. э. прокуратор Вар распял две тысячи еврейских повстанцев в горах около Иерусалима. Один из преемников Пилата, Квадрат, тоже исполнил массовые распятия zelотов, «повстанцев-ревнителей». Еще один прокуратор, Феликс, распинал не только повстанцев, но и их соучастников: было распято примерно 3600 человек. Что уж говорить о будущем императоре, «милосердном Тите», который в 70 г. ежедневно распинал возле Иерусалима примерно по пятьсот человек. Иосиф Флавий свидетельствует: «Не хватало места для стольких крестов и не хватало места для стольких тел».

...После этой краткой исторической справки вернемся к сюжету – к распятию Йешуа. Он, видимо, обладал удивительным даром влиять на мучителей. Да, римские солдаты издевались над ним, плевали на него, били по щекам... Но – что-то произошло и с ними, с грубыми палачами, как-то и на них воздействовала личность этого рабби. Ибо дальше процедуру казни воины исполняли с невиданной для них мягкостью. Да, его бичевали, но не с той звериной жестокостью, какой славились римские палачи: ни один из евангелистов не описывает рубцов, кровоточащих ран, следов жутких побоев, которые считались нормой при таких экзекуциях. И – оставили его одетым по пути на казнь – вопреки обычаю. Снятую с него одежду они разыграли между собой (это считалось их гонораром за работу) уже перед прибавлением тела к кресту (передано с удивительной точностью: Иоанн отметил даже, что хитон был тканый, а не более дорогой – шитый...). Ему на плечи после суда взвалили крест, как положено, но не прибили его сразу к рукам, даже не привязали – он его обхватил и нес. И когда упал под тяжестью (видать, не был физически сильным) – легионеры не стали соблюдать букву закона в исполнении приговора, просто они остановили первого попавшегося по дороге еврея и заставили помогать смертнику. Флюссер, как вы, может быть, помните, расценил это как некую трудовую повинность – мол, схватили первого попавшего под руку паломника и заставили нести крест вместо страдальца, кто должен был по закону это делать. Но вряд ли можно сомневаться: любой единоведец помог бы смертнику, которого вели на казнь угнетатели-язычники.

И прибили его руки и ноги на месте казни гвоздями, а не привязали их веревками. Гвозди вызвали кровотечение, это ускоряло кончину (а ведь в продлении смертных мук заключалась «сверхзадача» этой казни). И ему было разрешено выпить особый напиток, вызывавший дурноту и помрачавший сознание – опять-таки, чтобы поменьше мучился на кресте! Но он отказался воспользоваться милосердием палачей...

Когда же сказал с креста – «жажду», ему поднесли губку с уксусом. «И наложив на трость, дал ему пить» (Мк 15: 36). То есть дали не воду, способную утолить жажду, не вино, затуманивающее сознание. По поверьям евреев, уксус ускорял приход смерти. «Люди, давшие уксус Иисусу, - пишет Х. Коэн – считали, очевидно, что этот напиток лишит его страданий и принесет скорый покой» (64).

И еще: Пилат разрешил ускорить смерть распятых. Разбойникам перебили голени. Перебивание голеней, как понятно читателям, не было дополнительной пыткой – это считалось актом милосердия: вытекала кровь. Коэн приводит исторические примеры подобного милосердия: Август приказал перебить голени своему распятому секретарю, обвиненному в разглашении государственных секретов, а император Тиберий приказывая распинать мужчин, отказавшихся быть им обесчещенными, но в виде милости разрешал перебивать этим гордецам голени.

Для Йешуа подобная милость Пилата оказалась ненужной – он умер раньше нее. Тогда в него – для верности, видимо? - ткнули копьем.

...Х. Коэн полагает, что описание казни Иисуса подгоняли под библейские пророчества: это делало казнь новым свидетельством Божественной миссии. Вот примеры такой «подгонки» - по его книге. Автор, считает невозможным и нелогичным, что собравшаяся толпа глумилась над Йешуа – иначе зачем бы вскоре евреи шли просить у прокуратора разрешения ускорить казнь или хоронить казненных. И то, и другое было выражением сочувствия и сострадания к казнимым. Согласно Евангелию от Матфея, глумление выражалось в том, что окружающие говорили: «Уповал на Бога? Пусть теперь избавит его, если Он угоден Ему» (27:43). Но ведь этот текст почти буквально совпадает с предсказаниями древних псалмов: «Все, видящие меня, ругают меня, говорят устами, кивая на меня: «Он уповал на Господа – пусть избавит его, пусть спасет, если он угоден Ему» (Псалтирь, 21 8:9). Потому Коэн считает, что текст из Псалтиря и породил как следствие этот эпизод из Евангелия, а не наоборот...

То же толкование он прилагает к факту, что римлянам не дано было перебить голени у Йешуа: «Ибо сие произошло, да сбудется Писание: «Кость его да не сокрушится» (Ин 19:36). Почему это было важно? По еврейским верованиям, только «агнец без порока» (Исход 12:5) может быть принесен в жертву Богу в Пасхальную ночь... Там же предписано – «И костей его не сокрушайте» (12:46). Итак, Бог принял его душу, когда тело еще было не

осквернено оружием язычников, оставалось «непорочным», как положено пасхальному агнцу, а что касается пролитой крови, она уподоблялась положенной крови жертвы на храмовом алтаре.

Но тогда почему, спрашивается, уже покойного пронзили копьем? Этот удар по ребрам разве не перечеркнул чистоту и непорочность агнца?

Хаим Козн обратил внимание, что толкующая этот эпизод цитата из евангелиста Иоанна («воззрят на Того, Которого пронзили» (19:37) дана со ссылкой на книгу пророка Захарии (12:10). Но она... вырвана из контекста! А в контексте звучала так: «А на дом Давидов и на жителей Иерусалима изолью дух благодати и смирения, и они воззрят на него, которого пронзили, и будут рыдать о нем, как рыдают о единородном сыне, и будут скорбеть, как скорбят о первенце. В тот день подымется большой плач в Иерусалиме... и будет рыдать земля, каждое племя особо» (ibid, 12:10-12). То есть удар копьем вписался в пророчество!

И последняя, удивительная милость римлян – разрешение на погребение его тела. Римский закон запрещал погребение казненных, и специальные часовые следили за исполнением правила, предотвращая попытки родственников предать земле тела близких. Тем не менее, иногда разрешение на погребение, вопреки закону, выдавалось: в Риме эта милость считалась прерогативой императора, в провинции – его наместника. К Пилату пришел член Синедриона Иосиф из Аримафеи (буквально – «с плоскогорья») и просил отдать тело покойного учителя для погребения. Аргументом было то, что по еврейскому закону Йешуа требовалось хоронить до наступления ночи. Вряд ли еврейский закон имел для Пилата значение – но и здесь он уступил просьбе евреев.

Козн видит в этом еще одно доказательство того тезиса, что Йешуа не был осужден синедрионом: ибо по еврейскому закону, лица, осужденные Верховным судом на смерть, всегда хоронились отдельно от остальных – на особых, «судейских кладбищах». Тела эти хоронили власти, а не частные лица, и по преступникам запрещалось держать траур. То, что Иосиф похоронил Йешуа у себя на участке, доказывает: по еврейскому закону он не считался (не был) преступником. Факт, что он был казнен римлянами, давал ему право на традиционное погребение по всем еврейским обычаям.

Его мать и Мария Магдалина оплакивали его, и до прихода субботы были приготовлена благовония и масти, его обвили пеленами, купленными тем же Иосифом – словом, он был погребен, «как обычно погребают евреи» (Ин, 19:48).